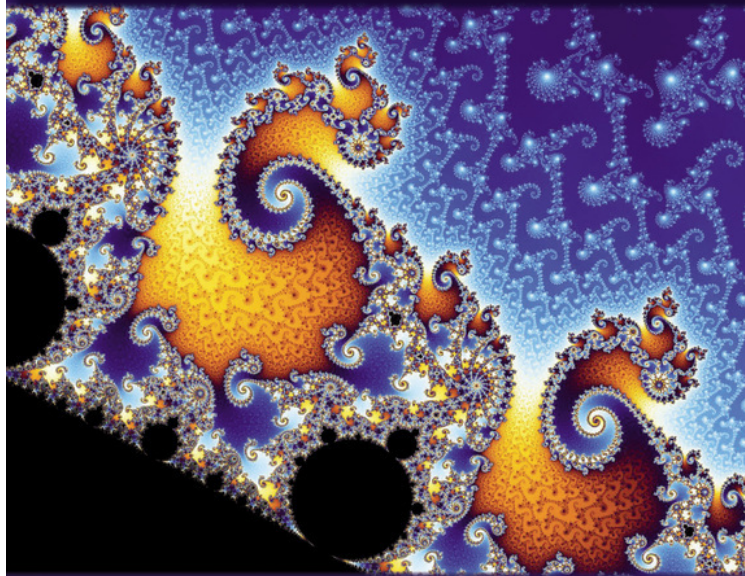


Наталья Бентанга



Принцип Солнца

# Наталья Бентанга

## Принцип Солнца

*Текст предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=22302635](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22302635)  
Принцип Солнца. Роман-история / Наталья Бентанга: Первая  
образцовая; Москва; 2014  
ISBN 978-5-4472-3114-9*

### Аннотация

Путешествие героя продолжается. Бог солнечного света и творческого вдохновения Аполлон и богиня любви Афродита помогают Дмитрию победить собственную агрессивность... Действие романа происходит в 1968-2001 годах.

Какую роль в нашей жизни играют мифологические сюжеты? Подобно древним египетским богам мы творим свой мир мыслью и словом, и в наших сердцах продолжается битва Гора и Сета (добра и зла). Ревнивый Рама, по-прежнему, требует доказательств верности Ситы, а терпеливая Пенелопа ждет своего Одиссея...

Что является религией для современного человека? Какую религию исповедовал Альберт Эйнштейн и что такое анеканта? Знаете ли вы о том, что буддизм – это религия без бога, в ней каждый сам себе – бог? Как выглядит гнев? И на чьей стороне были симпатии пуританина Джона Мильтона, когда он описывал бунт Люцифера?

Догадываетесь ли вы о том, как велика роль бабушек и дедушек в воспитании детей? Дети учат абсолютной любви, и поэтому ничего родителям не должны. Знаете, как влияют на их судьбы аборт, и что такое прерванное движение любви? А кто виноват, что они обманывают, воруют и хулиганят? Принуждаете ли вы своих друзей делать что-то против воли? Кто дал вам право обращаться с детьми как с рабами?!

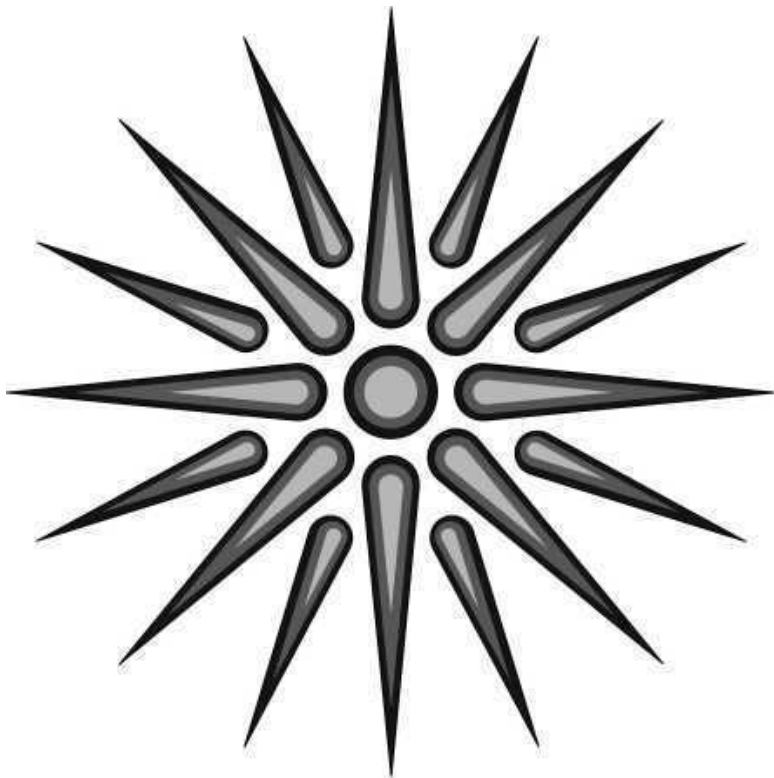
Можете представить, как Шива-Матараяя кружится в вихре творения и разрушения Вселенной, земные континенты танцуют под “музыку” Альфреда Вегенера, а на месте Тибета и Гималаев плещется море? Кстати, вы были в Тибете, вы видели Толлинг – он гораздо «круче» Большого каньона в США!

Знаете, почему Натаниэль Ротшильд назвал капитализацию восьмым чудом света? И как случилось, что наполеоновский маршал Жан-Батист Бернадот, став королем Карлом XIV, «изобрел» знаменитый швейцарский нейтралитет, а Крестовые походы во славу Гроба Господня привели к вражде между Востоком и Западом на целых восемьсот лет?!

Сколько лет прошло на земле, пока Будда достиг просветления? Сколько нужно времени, чтобы научиться любить и летать? В чем заключается тайна времени и тайна бессмертия? Как изменить этот мир? Как стать счастливым?

# Содержание

Глава первая	6
Время змееносца	7
Диалог со Смертью	56
Глава вторая	98
Тайна Адриаана Бекмана	98
Конец ознакомительного фрагмента.	117



**Наталья Бентанга**  
**Принцип Солнца.**  
**Роман-история**

*Богу солнечного света Аполлону, богине*

*любви Афродите и удивительному ангелу Айре  
посвящается этот роман*

*“Свет, который сияет над небом – тот же свет,  
что внутри человека. Созерцая этот высочайший  
свет, сияющий над мраком, мы достигаем Солнца,  
бога среди богов...”*

*“Ригведа” древнеиндийский эпос*

# **Глава первая**

## **“Сожженная” дорога**

*“Всегда обращай к чужим богам.  
Они тебя выслушают без очереди”.*

*Станислав Ежи Лец, польский писатель», философ и  
талантливый пересмешник*

# Время змееносца



*(Небеса)*

С 24 октября по 23 ноября Солнце находится в созвездии Скорпиона. Этот знак зодиака часто называют знаком Смерти.

Вы, конечно, знаете, дорогой читатель, что знаков зодиака – двенадцать. Зодиакальные созвездия определяют небесный маршрут Солнца и оказывают большое влияние на

жизнь планеты Земля и на судьбы людей.

Долгое время астрологи не рассказывали людям о тринадцатом знаке зодиака – о Змееносце, когда силы добра и зла вступают в непримиримую борьбу за власть над душами людей. Время Змееносца длится ровно две недели – с 15 по 29 ноября. Первую неделю, с 15 по 21 ноября, называют Скорпионо-змееносцем или “Сожженной дорогой”. Именно в эти дни, Фаэтон, пролетая над землей на огненной колеснице Солнца, сжег все живое.

...Фаэтон, златовласый сын нимфы Климены и бога солнца Гелиоса, был молод и самонадеян. Он считал, что все уже знает и умеет, поэтому попросил у отца разрешения проехать по небу в золотой колеснице. Пусть весь мир увидит, что он уже вырос! После этой поездки никто не осмелится сомневаться в его божественном происхождении...

Но Фаэтон не справился с управлением колесницы и сбился с пути. Пытаясь отыскать дорогу, он приблизился к земле на столь опасное расстояние, что реки пересохли, растения почернели, земля задымилась. Увидев, что сделал, Фаэтон хлестнул лошадей, и они унесли его так далеко от земли, что растения, сумевшие уцелеть от иссушающего зноя, погибли от неожиданно наступившего холода. Снежные бури обрушились на землю. Люди завопили так громко, что разбудили крепко спящего Зевса. Бог-громовержец не стал разбираться в подробностях происшествия, он выбрал самую мощную молнию в своем арсенале и метнул ее в негодного мальчиш-

ку...

***Иллюстрация. Дерзнуть и погибнуть.***

*Питер Пауль Рубенс “Падение Фаэтона”. (Цвет. илл. 2)*

Первая неделя Змееносца – время могущества зла. 21 ноября – последний и самый опасный день тьмы. На следующий день начинается восхождение к свету и духовное возрождение...

*(Москва, 21 ноября 1999 года)*

Двадцать первого ноября Ольга, героиня нашего романа, и ее личный водитель Саша, не задумываясь о существовании созвездия Змееносец и обострении борьбы между силами добра и зла, уехали с работы сразу после обеда. Как сказал Саша, “Ольга Владимировна решила прошвырнуться по магазинам”.

Как и положено героине, Оля была красавицей. А Саша был не только ее водителем и охранником, но и незаменимым помощником: он возил “своего начальника” на работу и с работы, на учебу и с учебы, а также по делам, магазинам и личным вопросам. Он выполнял все многочисленные просьбы капризной женщины, и занимался ее проблемами с раннего утра и до позднего вечера. Если бы Оле пришлось выбирать между мужем и водителем, скорее всего, она выбрала бы Сашку – такое большое место занимал он в ее жизни в

настоящее время.

(Например, этим летом, когда Оля и Владимир Иванович<sup>1</sup> ездили навестить Алешку<sup>2</sup> в летний лагерь, в их автомобиль, который двигался по шоссе со скоростью восемьдесят км/час, неожиданно, сзади, врезался пьяный водитель. Ольга, которая была за рулем, растерялась и не знала, как поступить: она никогда еще не попадала в аварии. Владимир Иванович посоветовал дочери позвонить Василию<sup>3</sup>.

В Москве и Подмосковье тогда было утро выходного дня, и Вася отсыпался после “вчерашнего”. Оля услышала много ценных советов о том, кому “непременно надо набить морду”, и как эффективнее это сделать. Она расплакалась и позвонила Сашке.

Примерно через час, Сашка с друзьями был уже на месте аварии. И хотя от мужчин не двузначно пахло “вчерашним вечером”, они так “душевно” поговорили с пьяным виновником ДТП, что тот почти протрезвел, извинился, поделился своими проблемами в личной жизни, заплатил нужную сумму денег на ремонт автомобиля и уехал.)

Сейчас Саша посматривал на часы и размышлял о том, как быстро Ольга Владимировна удовлетворит свою покупательную способность, то есть, как быстро у нее закончатся наличные деньги, потому что она не пользовалась кредитны-

---

<sup>1</sup> Владимир Иванович – отец героини, доктор технических наук на пенсии.

<sup>2</sup> Алешка – сын героини, десяти с половиной лет.

<sup>3</sup> Василий Андреевич – второй муж героини, успешный бизнесмен.

ми картами. И останется ли у него временной зазор между работой и возвращением домой, чтобы заскочить к ребятам в гараж и “принять на грудь по ящичку пивка”.

Саша посмотрел на Ольгу, и, заметил, что она чем-то расстроена. – Что же ты, грустишь, красавица? Купишь сейчас целый ворох ненужных тряпок... Оль, а, ты, во сколько планируешь закончить?

– Что-то у меня на душе беспокойно, даже не хочется ходить по магазинам. (Оля.)

Саша свистнул. – Нет уж, иди, давай, раз запланировали. Тем более, скоро Новый год, и я не хочу, чтобы мой любимый начальник “бледно” выглядел на фоне Васиных “секретуток”. Только купи, пожалуйста, что-нибудь яркое, а то одеваешься, как покойник. И, постарайся, побыстрее!

– Сны мне сегодня какие-то странные снились. В последнее время мои сны определенно напоминают сериал ужасов... (Оля.)

– Ой, а расскажи, пожалуйста, – попросил Саша. – Я обожаю ужасы.

– Нет, такие ужасы даже ты не любишь... (Оля.)

– Ну, расскажи, не ломайся, все равно в пробке стоим... (Саша.)

– Все началось неделю назад. Мне тогда приснился очень симпатичный пушистый Белый Кот. Не обычный белый кот, а удивительно обаятельное, крылатое и улыбающееся создание. Я его гладила, а он мурлыкал и жмурился от удоволь-

ствия. Но неожиданно пришла огромная Рыжая Крыса и проглотила Белого Кота... (Оля.)

– Оба-на! Ну, и где же здесь ужасы? (Саша.)

– В следующую ночь мне приснилась Жар-птица из русской сказки и ужасный Монстр – смесь жабы, ящерицы и свиньи, который пытался общипать прекрасную птицу, прямо живьем, представляешь? (Оля.)

– Я думаю, он хотел ее зажарить. Я лично жар-птиц не пробовал, не приходилось; вкусно, наверное. Должно быть похоже на фазанов.

Ну, и что было дальше? – спросил Саша, смеясь.

– Дальше я напилась валерьянки перед сном. Чудовищ больше не было, но образовалась огромная Черная Дыра, которая засосала в себя весь Белый Свет. Я проснулась посреди ночи в холодном поту, и еще раз выпила валерьянки. (Оля.)

– Помогло? – поинтересовался Саша.

– Нет: под утро Многоголовая Гидра разорвала на множество кусочков большого Красивого Орла со львиной головой...

Саша смеялся в полный голос.

– Ничего смешного! – возмутилась Оля. – Следующей ночью коварный Черный Кот напал в моем сне на Добрую Собаку-колли. Потом Летающий Вампир-кровосос всю ночь издевался над Белым Слоном, а препротивный Розовый Кролик с голым крысиным хвостом чинил пакости Большому Козлу...

Сашка даже хрюкал от смеха. – Ой, Оль, перестань сочинять, а то мы сейчас врежемся в кого-нибудь...

– Вчера я вообще не могла заснуть. А когда заснула, ко мне прилетела Синяя Сойка и села на руку. И клевала зернышки до тех пор, пока непонятно откуда взявшаяся Черно-зеленая Пиявка не всосала в себя и сойку, и мою руку. У меня, между прочим, даже синяк остался, вот посмотри, – Оля показала руку. – Я, естественно, проснулась и подумала: может мне вообще не ложиться спать?

– По-моему такие сны снятся женщине только в двух случаях, – сказал, всхлипывая от смеха, Сашка.

– И когда это? – спросила Оля.

– Либо женщина беременная, либо ей надо нормального мужика. Во втором случае я, по старой памяти, могу тебе помочь. Прямо сейчас могу помочь, в магазине<sup>4</sup>, – Сашка откровенно посмотрел на Ольгу своими голубыми глазами.

– Дурак ты, Саш, и пошляк! Такие вещи просто так не снятся. Что-то непременно должно случиться, – серьезно сказала Оля. – И видимо, что-то неприятное, – героиня вспомнила, что под утро ей приснился еще один сон, о котором не просто было даже рассказать...

Ей приснилась бурная, многоводная река. На том берегу, где она стояла, было тихо, тепло и безопасно. А что было на

---

<sup>4</sup> Когда-то у героини был роман с собственным охранником. Классика жанра, ничего не поделаешь. Сашка был привлекательным шатеном спортивного телосложения, ростом 180 см.

другом берегу, она не видела: брызги, туман, ничего нельзя было рассмотреть. Но ее неудержимо тянуло к неизвестному берегу, попасть на который был только один способ: надо было оторваться от земли и перелететь реку, довериться неизвестной силе, погрузиться в опасность... Потом Оля проснулась и никак не могла понять, что же было лучше: прыгнуть в водоворот, или остаться на берегу?

– Тебе надо больше спать и меньше думать, тогда и кошмары сниться перестанут, – посоветовал Саша.

– Как я могу больше спать? Ты же знаешь, сколько у меня проблем... (Оля.)

Саша усмехнулся. – И какие это у тебя проблемы? И дома, и на работе, насколько мне известно, у тебя все в порядке. Проблемы у тебя с головой: нормальные люди параллельно в двух романах не участвуют.

– Саш, не начинай, – попросила Оля.

– Я тебя, по-дружески, предупреждаю. Одно дело, когда встречаются два взрослых человека, и совсем другое – встречаться с несовершеннолетними... (Саша.)

– Ему двадцать четыре года, я тебе уже говорила. (Оля.)

– А он тебе зачем? (Саша.)

– Он – романтик. Да ты все равно не поймешь! (Оля.)

– Куда мне! Когда у нас с тобой была романтика, я понимал. Но кататься по ночам на мотоцикле... У тебя с головой все в порядке? У тебя, между прочим, двое детей и муж

– “олигарх”<sup>5</sup>! Седина в бороде, что ли? Рановато, однако... (Саша.)

– Саш, мы с тобой договаривались... Ты сам-то великий праведник, что ли, чтобы морально-нравственные нотации мне читать?! (Оля.)

– Нет, ну ладно был бы нормальный мужик... (Саша.)

– Знаешь, какие он мне стихи пишет? (Оля.)

– Смотри, как бы эти стихи Вася не прочитал! О, песня хорошая, послушай, – Саша сделал приемник громче.

Ольга слушала песню очень внимательно, и зрачки ее си-не-зеленых глаз постепенно расширялись. Потом закружилась голова, закололо в сердце, чертики запрыгали в глазах, и стало нечем дышать...

– Понравилась? Эй, подруга, что с тобой?! – Саша в первый раз в жизни видел, как женщина теряет сознание. – Ни фиги себе, какой расклад! – он остановил машину, выбежал, достал аптечку, нашел нашатырный спирт... – Оль? Але! Прием!

– Что-то случилось, – пришла в себя героиня.

– Ой, не придумывай! У тебя, что, голова закружилась? (Саша.)

– Нет, со мной все нормально. – Оля достала мобильный телефон и стала звонить домой.

Когда она позвонила своим близким, а Сашка засунул в

---

<sup>5</sup> Василий Андреевич олигархом не был. Просто у него была такая “кличка” в кругу близко знавших его людей.

рот таблетку валидола, потому что у него “работа нервная”, он сказал: – Слушай, дорогая, тебе точно лечиться надо. Видишь, до чего доводят параллельные романы в преклонном возрасте?

(Героине было тридцать лет.)

– Я – здорова. Просто что-то случилось, и я это чувствую, – упрямо твердила Оля.

– Ну, значит, ты, точно, беременная. Вот только интересно от кого: от своего “несовершеннолетнего” или от “лица вьетнамкой национальности”, по интернету? (Саша.)

Ольга была ужасно бледной и задумчивой.

– Ну, что ты себя накручиваешь? Ты же своим позвонила... (Саша.)

– Не всем, – вздохнула Оля.

У настоящей героини должна быть тайна. Оля набрала номер Владимира Николаевича.

Не смотря на то, что герои нашего романа уже давно не общались друг с другом, Оля поддерживала связь с Димкиными родителями: возила детей к ним в гости, потому что они любили ее детей, как собственных внуков; помогала Владимиру Николаевичу с налоговой отчетностью... Дима и Оля жили и работали в одном городе, но были очень и очень далеки друг от друга. Как подметил Антуан де Сент-Экзюпери, французский писатель и знаменитый летчик, “отдаленность измеряется не расстоянием”. По официальной версии, при-

нятой в кругу родных и друзей, в последний раз герои виделись, когда Димка был еще в армии, то есть одиннадцать лет назад.

– Алло, дядь Володь, это Оля...

– Оля, доченька, как дела? (Владимир Николаевич, радостным голосом.)

– Все хорошо, я из машины звоню. Дядь Володь, у вас все нормально? (Оля.)

– Да, вроде, да... (Вл. Ник.)

– А у тети Зины? (Оля.)

– Она по Димке переживает, но чувствует себя неплохо. (Вл. Ник.)

– А он давно вам звонил? (Оля.)

– Недели две назад... А что? (Вл. Ник.)

– А вы ему позвонить можете? (Оля.)

– Да мы звоним, все без толку: “абонент не доступен”. В горах связи нет. (Вл. Ник.)

– Ну ладно, тогда извините. Что-то пригрезилось мне... (Оля.)

– Да, что ты, Оленька, что с ним будет-то? Ты не волнуйся. Как объявится, я тебе позвоню. Хорошо? (Вл. Ник.)

– Угу... (Оля.)

– Ты приезжай к нам с ребяташками в выходные, соскучились... (Вл. Ник.)

– Обязательно. (Оля.)

– И кто это “он”? Сын Владимира Николаевича? – поин-

тересовался Саша, когда Оля закончила разговор.

— В личном водителе, конечно, есть много плюсов, но есть и минусы — чрезмерное любопытство, например, — сказала Оля и попыталась улыбнуться, но опять темная туча поглотила светлое ее лицо. — Господи, да что же это такое со мной сегодня?!

— Опять будешь в обморок падать?! — испугался Саша. — Ты так не шути... Может, отвезти тебя в больницу?

— Нет, к черту больницу, давай лучше в кабак. (Оля.)

— Ты это серьезно говоришь? А как же шопинг? (Саша.)

— Да, фиг с ним. Что мне надеть нечего, что ли? Пойдем, напьемся, машину кинем; потом ты меня на такси довезешь... Так погано на душе, и страшно, до жути! (Оля.)

— У тебя что болит-то, сердце или голова? Я так и не понял, — спрашивал Саша, паркуя машину у ресторана.

— Душа, — вздохнув, сказала Оля.

— Душа?! Тогда, однозначно, надо в кабак. А кто-то еще говорил, что это я — алкоголик... Ну, пойдём-пойдём, красавица; что касается выпить и поесть — тут меня уговаривать не надо. (Саша.)

...

Итак, Саша и Оля сидели в ресторанчике и обедали. Вернее, обедал один Сашка. Между прочим, второй раз за сегодняшний день. А Ольга курила сигареты и пила текилу. Саша удивленно наблюдал за своим начальником, которыйпил какую-то водку из кактусов, слизывал насыпанную на руку

соль, а потом, морщась, закусывал все это лимоном. Ольга Владимировна, надо сказать, пила спиртное редко, а курила – так вообще первый раз за их знакомство. А знакомы они были уже пять лет.

– Ты хоть Расскажи мне, что тебе пригрезилось? – попросил Саша.

– Пригрезилось, что один человек попал в беду, свалился в пропасть, и помочь ему некому. И песня эта, которую мы с тобой в машине слушали, у него в плеере тоже звучит; только он без сознания... (Оля.)

– А он тебе кто? – поинтересовался Саша.

– Сейчас – никто, – вздохнула Оля. – А вообще, он Алешкин отец...

– Я думал, Алешкин отец – Александр Аркадьевич<sup>6</sup>. Как ты сама-то не путаешься в своих внебрачных связях?! И где сейчас этот орел? (Саша.)

– Где-то в горах. Связи с ним нет. В Тибете, по-моему... (Оля.)

– Так не бывает, что бы на расстоянии чувствовать. (Саша.)

– Хорошо, если не бывает... Господи, я готова всю жизнь мучиться со своим Василием, только бы у него все было хорошо! Аполлон<sup>7</sup>, я умоляю тебя! – Оля выразительно посмотрела вверх.

---

<sup>6</sup> Александр Аркадьевич – первый муж героини, историк, преподаватель МГУ.

<sup>7</sup> Греческий бог Аполлон, бог солнечного света, был богом и другом героини.

– А ты что, с Василием, мучаешься? – удивился Саша.

– А ты сам разве не видишь? (Оля.)

– Я редко вижу тебя такой. Мне вообще кажется, что тебе все по фигу... (Саша.)

– А мне вот кажется, что я много лишнего наговорила... (Оля.)

– Откровенность за откровенность, раз уж мы оба пьяные. Я вот до сих пор жалею, что ты меня кинула... (Саша.)

– Я тебя кинула?! Ты что, забыл, как было на самом деле? Но слава богам, я влюбчивая, – улыбнулась Оля.

– Да, есть за тобой такой грех. Но я все равно жалею, потому что ты – лучшая. А с мужем, тебе, действительно, не повезло. Василий Андреевич – человек мягкий. Тебя надо держать в ежовых рукавицах – а он предоставляет тебе полную свободу, чем ты и пользуешься... (Саша.)

– Кто бы говорил! (Оля.)

– Но это можно легко исправить – разве мало желающих предложить тебе руку и сердце? Хорошо бы еще – плетку и клетку, в комплекте. Жаль, что ты собираешься во Вьетнам, по-моему, тебе надо в Японию. Японцы они более жестокие... (Саша.)

У Ольги зазвонил мобильный телефон. – Привет, Вась! – приветствовала она супруга.

– Ты где? Опять пошла “в разнос”? Ленка мне сказала, что ты по магазинам поехала... Ты тратишь деньги быстрее, чем я их зарабатываю! (Василий.)

– Не волнуйся, до магазина я не доехала. Сажу в ресторане, запиваю валидол минеральной водой, а минеральную воду – текилой... (Оля.)

– Что-то случилось у тебя? (Василий.)

– Сознание, вдруг, ни с того, ни с сего, потерялось... (Оля.)

– Подожди, – Василий позвонил по своему второму телефону. – Сашка, а ты где?

– Здравсьте, Василий Андреевич! Я охраняю Ольгу Владимировну, как вы и приказывали, ни на минуту от нее не отхожу, поэтому тоже пью водку.... Это Ольга Владимировна меня заставила! (Саша.)

– Ты, что, б..., на работе водку пьешь? Да я тебя уволю за такие дела! (Василий.)

– Считаете нужным – увольняйте! Не мог же я допустить, чтобы она одна пила эту дрянь из кактусов?! (Саша.)

Василий выключил второй телефон.

– Ну и чего ты ругаешься? Это я попросила его пообедать со мной, потому что чувствую себя плохо: слабость какая-то, и в голове звенит; Сашка тут не причем... (Оля.)

– Давай, домой, быстро! Потом разберемся, кто из вас виноват. Сколько же ты выпила, если в башке звенит?! Может врача тебе вызвать? (Василий.)

– Не надо врача! Вроде отпустило уже... (Оля.)

– Отпустило! Меньше работать надо по ночам. И никаких полетов в Юго-Восточную Азию в ближайшее время! Поня-

ла?! – Василий орал так, будто это он был потерпевшим.

– Ну, и зачем ты сказал, что пьешь водку?! – спросила возмущенная Оля несчастного Сашку, оказавшегося между супружеских огней.

– Возьми такси и езжай домой, а этот алкоголик пусть катится на метро! – это Вася перезвонил. Беспокоился.

*(Тибет, 21 ноября 1999 года)*

Именно в этот час, когда на Ольгу напал леденящий душу страх, Дима ехал на Тойоте Лэндкрузер по Тибетскому нагорью на другом конце света. До гестхауза на озере Манасаровар оставалось километров сорок, и еще завтра – двадцать километров пешком – до монастыря, в котором он жил.

Такие мужчины, как Дмитрий, теперь редко встречаются в России: *Homo sapiens* мельчает, а наш герой был ростом 189 см, косая сажень в плечах. Не сказать, что бы красивым, но обладал он эдакой харизмой... Подобные экземпляры очень нравятся женщинам.

В вечерних сумерках засмотрелся Дима на потрясающие горные пейзажи, машина плавно съехала с обрыва и “полетела” вниз. В Тибете в это время было шесть часов вечера. Димка понял, что сейчас разобьется и попытался представить себе силу предстоящего удара. Еще он пытался затормозить, вцепился в руль и жал изо всех сил на педаль тормоза, но это не помогало...

“Если там внизу, не очень далеко, по счастливому стече-

нию обстоятельств, окажется ровная площадка... я, конечно, опять, переломаю себе ноги, руки и ребра<sup>8</sup>, но останусь жив. Если площадки нет или она далеко – тогда смерть неминуема. Хорошо бы, чтобы сработала подушка безопасности. И надо бы потуже пристегнуться”, – думал Дима, но падение было столь стремительным, что он не успел ничего предпринять.

Время в момент опасности течет по-другому. Пока Димка падал, в его голове пронеслась череда мыслей. “Сразу, как только приземлюсь, независимо от тяжести переломов, надо сообщить о случившемся Аполлону<sup>8</sup>, родителям и Оле, чтобы они организовали мое спасение... Господи, в последний раз, умоляю тебя! Аполлон, спаси меня, дурака! Оля, люблю тебя, люблю! Лети ко мне, найди меня, помоги мне! Ганс сможет начать поиски только завтра утром. Я нахожусь в шестидесяти километрах от монастыря... Хорошо бы не разбился в этой круговерти фотоаппарат... Мама будет плакать, когда узнает, что я опять разбился, а отец будет курить сигарету за сигаретой... Как же они в их возрасте перенесут горную болезнь?!”

“Димон, ты бы расслабился... Тебя ожидает захватывающий фильм о твоей жизни в деталях. Память – это как запись на лазерном диске...” (Аполлон.)

Во время полета (который длился никак не более пяти се-

---

<sup>8</sup> Герой уже попадал в автомобильную аварию, в ноябре 1996 года.

<sup>8</sup> Герой уже попадал в автомобильную аварию, в ноябре 1996 года.

кунд), находясь в состоянии невесомости, Дима умудрился увидеть всю свою жизнь в формате кадров кинохроники. Он ожидал, что фильм о прожитой жизни будет черно-белым, но тот оказался цветным. Кадры были яркими, громкими и трехмерными. Дима улавливал глубокий смысл происходящего до мельчайших нюансов. Прожитая им жизнь оказалась наполненной удивительным внутренним светом. Самые тяжелые, самые трагичные, самые постыдные эпизоды казались теперь правильными, нужными и значимыми. Он был свободен от негативных суждений. Все было так, как должно было быть. Все было на своем месте и все было замечательно. А прекраснее всех была она, Оля. И он не испытывал к ней ненависти, только любовь...



## 2. Падение...

Поль Гюстав Доре

Героя окружали золотые горы Тибета, освещаемые закатающимися за горизонт солнцем, и небо – розовое и голубое, и звучала радостная музыка. Диме было очень хорошо: он был в гармонии с окружающим миром и с самим собой. “Это свободное падение, видимо, будет длиться вечно. Ав-

томобиль еще долго будет кружиться в облаках, пока не приземлится на мягкий снег в далеком московском дворе...”

Но падение закончилось, и он ясно услышал удар от столкновения автомобиля с грунтом. Тойота ударилась о каменную площадку “носом”, подпрыгнула от неожиданности и рухнула на крышу. Она “съежилась” и сжала Димку в металлических объятиях. По лицу текла кровь, но герой не чувствовал боли. Не чувствовал ни отчаяния, ни тревоги. Ничего такого не было. Он оставался в сознании и понимал все, что с ним происходит. Мысли были абсолютно логичными, спокойными и четкими.

“Удачно” приземлившись, Дима отметил, что остался жив, но потерял способность двигаться. Проанализировав ситуацию, он оценил вероятность своего спасения на 50 %, обрадовался этой довольно высокой вероятности и переключился на анализ прожитой им жизни. Он лежал, словно зародыш в материнской утробе, смотрел внутренним взором на звездное небо и слушал божественную музыку, льющуюся с высоты. Его состояние напоминало сладкую дрему, которая предшествует сну от усталости. Боль он почувствует только несколько часов спустя...

...

У небесного куратора Дмитрия, бога Аполлона – властителя жизни и смерти, были свои методы помощи умирающим. Он считал, что введение дипропилтриптамина или ди-

этиламида лизергиновой кислоты<sup>9</sup>, уменьшает физическую боль, ослабляет панику, нивелирует страх и увеличивает осознанность. “В конце концов, процесс смерти – это, скорее, приключение в сфере сознания, а не конец света. “Сознание преодолевает ограничения пространства и времени. Оно исследует собственное биологическое и духовное прошлое, путешествует во Вселенной, общается с богами и демонами. Оно становится ведущей характеристикой действительности, которая превращается в бесконечные приключения...”<sup>10</sup> (Аполлон.)

В предзакатной мгле, ранним утром следующего дня, монахи отправились на поиски героя... Уже во второй половине дня они заметили сломанные ограждения на дороге и внизу, на площадке перевернутый искореженный автомобиль. Потом в течение двух часов люди вытаскивали из машины бесчувственное тело, разжимая домкратом зажатые Димкины ноги...

“Ну, слава богу, кажется, живой”, – обрадовался Ганс, прислушавшись к дыханию.

“Ну, наконец-то! – обрадовался Дима, услышав человеческий голос. Он попытался что-то объяснить, но почему-то не смог ничего сказать. – Если я еще минут пять промолчу, они

---

<sup>9</sup> Диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД-25) и дипропилтриптами́н (ДПТ) – психоделические вещества, которые активизируют биографические, перинатальные и трансперсональные области психики.

<sup>10</sup> Станислав Гроф, чешско-американский трансперсональный психолог.

подумают, что я просто отдыхаю, и уйдут. А я ведь не сплю, ведь со мной что-то случилось... И почему он говорит по-немецки? Что, черт возьми, происходит?!”

Так как везти Дмитрия до ближайшего госпиталя было опасно, Ганс привез его в монастырь...

...

Когда Дмитрий в следующий раз пришел в себя, ему сначала показалось, что он находится в Тибете, но потом горы стали зыбкими... И он оказался в каком-то городе, в отеле... Кажется, в Марокко. С ним был Вадим, вместе с которым они путешествовали, и три симпатичные девчонки. Они пили, трахались, в общем-то неплохо все было. Потом пошли в ресторан, ужинать.

В ресторане, к их столику подошел мальчишка неизвестной национальности лет семи-восьми, одетый в лохмотья, и заявил на каком-то тарабарском языке, что он, собственно, пришел к Дмитрию, сказать, что он его сын, и что он “получился” два часа назад, в номере отеля. Ребята за столом смеялись – никто не понимал, о чем говорит мальчик.

– Слушай, пацан, вот тебе десять долларов, и вали отсюда; не мешай нам ужинать, – пытался спровадить непрошеного гостя Вадим. – Димон, чего он к тебе привязался? Ты, понимаешь, что он говорит?

Дима хотел сказать, что не понимает, хотя все понял, но не смог ничего сказать.

Официант попытался вывести мальчика из ресторана, но

это чудовище вонзило длинные свои острые ногти в тело героя так глубоко, что Димка заорал бы, если мог. На его спасение в зале ресторана появился седовласый араб в белой одежде, что-то сказал бьющемуся в истерике мальчику, и тот наконец-то оторвался от Дмитрия. Светлая футболка покрылась алыми пятнами крови. Араб взял мальчика за руку и вывел его из ресторана.

– Может быть, он узнал в тебе своего отца? – пошутил Вадим.

– Дим, а у тебя дети есть? – поинтересовалась одна из девушек.

В ресторане был полумрак, и никто не обратил внимания на пятна крови на Димкиной одежде. Вадим с девочками решили пойти развлекаться дальше, в какой-нибудь ночной клуб.

Когда вышли на улицу, араб с мальчиком сидели на тротуаре возле ресторана. Араб спокойно сказал: – Дмитрий, мы тебя ждем.

– Вы идите в машину, я сейчас, – Диме не хотелось, чтобы ребята были свидетелями этого разговора.

– Садись, посиди с нами. (Седовласый араб.)

Дмитрий сел на землю.

– Этот ребенок – твоя похоть, Дмитрий. Это твой ребенок. Тебе придется взять его с собой. Я уже стар, о мальчике кто-то должен заботиться. Теперь он всегда будет рядом с тобой... (Седовласый араб.)

– У него есть хотя бы документы? – спросил Дима.

– Зачем ребенку документы? Ты умой его, он похож на тебя, как две капли воды. (Араб.)

Дмитрий вернулся с мальчиком в отель. Вымыл его, накормил, уложил спать.

...

Уже почти рассвело, когда в комнату постучал Вадим: – Димон, ты спишь?

– Тише, разбудишь ребенка, – попросил сидящий на полу Дима.

– Какого ребенка?! – Вадим вошел в номер.

Дима посмотрел на кровать, куда вечером уложил мальчика. Кровать была пуста.

– Димон, ты не болен? – поинтересовался Вадим.

– А мы сейчас его вылечим! – в Димкин номер ворвались девчонки. Они стали раздевать его и смеяться. Девушки были очень сексапильными, только вот что-то происходило с их ногами. Длинные стройные ноги сохли прямо на глазах, и покрывались темными пятнами...

– А что это у них с ногами? – испуганно спросил Димка.

– А... это? А что ты хотел, они же того, не совсем живые... (Вадим.)

Дмитрий попытался вырваться из рук этих златокудрых чудовищ с трупными пятнами на ногах, но не тут-то было. Девицы обладали недюжинной силой: они кричали, визжали, кусались, а потом и вовсе превратились в настоящих гарпий

– хищных крылатых чудищ, с птичьими телами и кривыми когтями...

“Пол, кто это такие?! Эти дамочки с птичьими телами и когтями на лапах?” (Внутренний вопрос героя к богу.)

“Сирин и Алконост? Это райские птицы из средневековых русских легенд. Сирин грустит и тоскует о Рае, а Алконост радуется грядущему блаженству. Это образ человеческой души, в которой уживаются добро и зло. В твоём случае – два Сирина и Алконост”. (Ответ бога.)

Каким-то чудом Димке удалось вырваться из объятий чудищ. Он выбежал на улицу и побежал по незнакомому городу. Он бежал и бежал, по узким улочкам, сворачивая в переулки... Неожиданно герой оказался на широкой дороге, освещенной фонарями. Эта дорога вывела его к мечети.

“Могу ли я войти в мечеть? – подумал Дима, – ведь я не мусульманин. Могу ли я попросить защиты у другого, неизвестного и неведомого мне бога?” – Пока Дима размышлял о различиях христианства и мусульманства, мечеть растворилась в воздухе, и он опять потерял сознание.

Когда он очнулся вновь, то лежал на холодном каменном полу. Сзади были ряды деревянных скамеек, впереди – распятый на кресте Иисус Христос. “Значит, это католический костел, – решил Дима. – Это у католиков Иисус до сих пор висит на кресте...”

– Господи, я никогда не верил в тебя, прости меня, – про-

шептал герой.

– С какой такой радости, Господь должен прощать тебя, нечестивец?! – спросила по-английски какая-то препротивная старуха. Дима понял ее, хотя почти и не знал английского языка. – Пошел вон из храма Господня!

– Иисус Христос – не только ваш, он и наш бог, – попытался объяснить Дима.

– Я сказала: вон!! Иначе я вызову полицию, и они упекут тебя, пьяного, за решетку! – старуха так неистовствовала, что Дима был весь забрызган ее слюной. Он схватился за нагрудный карман и понял, что у него нет с собой паспорта. А в какой стране он находится, было не понятно...

Когда он вышел на улицу, шел дождь. Во дворе, за храмом, Дима увидел каменное надгробие с крестом, одиноко стоявшее под дождем. Он опустился на колени, прислонился головой к холодному камню. – Куда же мне идти? Если я ни во что не верю, никого не люблю, если у меня нет ни дома, ни семьи, и на этой земле никто меня не ждет?

– Он гладил мокрый безымянный камень, и вдруг в голову пришла страшная мысль: “А вдруг этот камень стоит на моей могиле? Что же я поехал в Марокко... и умер?!”

Надо было встать, куда-то бежать, кого-то найти, чтобы узнать: где же все-таки он находится? Но он не мог... Он стал, словно этот камень: неподвижным и тяжелым. “Но если я не могу бежать и говорить, стало быть, я действительно умер!?”

В следующий раз Дмитрий очнулся в каком-то большом здании под огромным куполом. – Люди, – обрадовался герой и огляделся вокруг. Он лежал босиком на сухом ковре в мечети. Мечеть была пуста.

– Господи, не прогоняй меня, – попросил Дима. Тишина была ему ответом. Он наконец-то согрелся и задремал.

*(Москва)*

Ночью на 22 ноября содержание Олиных снов неожиданно изменилось. Пошла вторая неделя, когда Солнце гостило в созвездии змееносца – неделя Стрельца-змееносца. В эту ночь героине приснился греческий бог врачевания Асклепий, сын Аполлона, лечивший больных змеиным ядом. И Белый Ястреб склевал надоевшего своим жужжанием Жирного Овода.

В ночь на 23 ноября Смелый Мангуст прогнал из прекрасного фруктового сада Трусливого Суслика... 23 ноября Оля узнала о Димкином падении в горах.

– Оля, Димка разбился, – позвонил Владимир Николаевич.

– Нет, – сказала Оля. – Нет!!! Только не это...

Ольга Владимировна, была в то время на работе, в своем кабинете финансового директора, который она делила с главным бухгалтером фирмы. Елена Васильевной была ее единственной подругой. Ольга так сказала это “нет”, что Ле-

на поняла: случилось что-то страшное. Она встала, закрыла дверь на ключ и попросила секретаря никого с ними не соединять, если только это не налоговая инспекция.

– Оля, нам позвонили из монастыря и сказали, что он при смерти, чтобы мы приезжали прощаться... (Владимир Николаевич.)

– Дядь Володь, вы дома? Я сейчас к вам приеду. Ничего не предпринимайте! – Ольга положила мобильный телефон на стол и закрыла лицо руками. Когда она открыла глаза, что-то случилось с окружающей действительностью: та стала черно-белой. – Господи, какая же я все-таки дура! Ведь я должна была догадаться!

– Что случилось? – спросила Лена.

Больше всего Ольге хотелось сейчас завывать громким голосом, спрятаться куда-нибудь в укромное место, никого не видеть, ничего не знать, чтобы ей хоть чуточку, хоть самую малость, стало легче! “Господи!!! Зачем мне все эти победы на любовном фронте, зачем мне такое немыслимое количество шмоток и украшений, зачем нужна вся эта мишура, если вот он разбился, и его не будет... Зачем мне все это тогда?!”

“Стоять!” – приказала гордая королева планете, которая бешено кружилась у нее под ногами, и своим мыслям, которые кружились вместе с Землей. – Лен, я сейчас возьму все деньги, которые есть в сейфе, – сказала Оля вслух спокойным голосом. – Чтобы Вася не устраивал истерик, сними

завтра такую же сумму с моего личного счета...

– Я сделаю все, что нужно. Ты можешь сказать, что случилось?! (Лена.)

– Димка мой разбился в горах. Подробности – я не знаю. Васе ничего не говори... Я поехала к Владимиру Николаевичу. – Оля набрала Сашин номер.

– Слушаю тебя, непреступная красавица. (Сашка.)

– Саш, ты мне срочно нужен. (Оля.)

– Что случилось, Ольга Владимировна? – через минуту улыбающийся Сашка уже стучался в бухгалтерию. – Но я никуда не поеду, пока не пообедаю, имейте это в виду...

– Стучилось! – открыла дверь Лена. – И ты зря радуешься!

...

– Что же ты делаешь, демон жизни и смерти?! – вопрошала Оля Аполлона, пока ехала в машине, еле сдерживая слезы.

– Да он не насмерть разбился, – спокойно сказал сидящий на заднем сиденье автомобиля всезнающий бог.

Ольга развернулась и пристально посмотрела на него. Бог солнечного света был потрясающе красив. Представьте себе, милые женщины, что все мужчины, которые вам нравились когда-то и нравятся сейчас, и даже те, которые понравятся в будущем, с восхищением и любовью смотрят на вас.

– И не надо испепелять меня своим взглядом, – сказал Аполлон.

Оля закрыла лицо руками и шепотом спросила уже не бога, но друга: – Что же мне делать, Пол?

– Вот это другое дело. Тебе надо принять правильное решение. Если ты хочешь продолжить свой путь, тебе придется оставить на берегу все, что у тебя есть: успешную карьеру обеспеченную жизнь жены “олигарха” Васи, свой большой дом, свои грандиозные амбиции и ощущение безопасности. Ты потеряешь почву под ногами, и тебе придется довериться великой силе любви... И никаких гарантий, как ты понимаешь. Придется пойти на риск, полагаясь лишь на собственное мужество и веру. Но у тебя нет выбора, – сказал златокудрый губитель и прорицатель, улыбаясь.

На самом деле, мы всегда знаем, что нужно делать. “Я говорю сейчас не о ком-то, я говорю о тебе”<sup>11</sup>.

...

– Ой, Оля-я-я, – слезами и причитаниями встретила ее Димкина мама.

– Хорошо, Ольга, что ты приехала. Не знаю, то ли Димку лететь спасать, то ли мать... Зин, ну, что, неотложку-то вызывать? (Владимир Николаевич.)

– Господи, сыночек мой, за что-о-о?! (Зинаида Алексеевна.)

– Теть Зин, перестаньте! Не надо никакой неотложки – не до нее сейчас. Дядь Володь, дайте ей какой-нибудь успокоительное... Пойдемте на кухню.

Саш, проходи, проходи, не стесняйся. Теть Зин, успокойтесь, бога ради! Возьмите себя в руки, займитесь чем-ни-

---

<sup>11</sup> Раджниш Ошо, индийский мистик.

будь. Сашку, вон, накормите! Дядь Володь, давайте по порядку: кто звонил, когда звонил и что сказал? Только без эмоций... (Оля.)

– Звонил какой-то китаец. Сказал, что Димка разбился два дня назад, в сознание не приходил, и они просят приехать родственников... прощаться. (Владимир Николаевич.)

Зинаида Алексеевна опять заголосила.

– Ну, что за глупости?! – возмутилась Оля. – Он же живой?

– Вроде живой пока... (Вл. Ник.)

– Теть Зин, он – живой, слышите? Что вы раньше времени его хороните?! Перестаньте немедленно причитать! Дядь Володь, вы адрес монастыря записали? (Оля.)

– Записал. Вот. (Вл. Ник.)

– Замечательно. Тысяча триста километров от Лхасы... Господи, где это?! Я, надеюсь, жена его бывшая не полетит? (Оля.)

– Конечно, не полетит! Тут даже думать нечего. (Вл. Ник.)

– Ну, значит, я полечу. А тебе, Саш, придется лететь со мной, как верному оруженосцу; я без тебя там не справлюсь. (Оля.)

Сашка чуть не подавился котлетами, которые все-таки смогла разогреть ему Зинаида Алексеевна. – Я-то полечу без проблем, я в Тибете не был. Тем более, за чужой счет... А что ты Васе скажешь, подруга моя боевая?

– Если полетишь, мне нужен номер твоего загранпаспор-

та. Срочно. (Оля.)

– Он у меня дома... У Ленки в бухгалтерии есть все номера. (Саша.)

– Звони Ленке! – Ольга уже звонила в туристическое агентство. – Ларис, привет. Это Оля Королева. Мне нужно как можно быстрее, лучше сегодня же вечером, два билета в Тибет, в Лхасу. Мне и Сашке, охраннику моему. И не ставь, пожалуйста, Васю в известность...

– В Лхасу нет прямых рейсов, – объяснила Лариса. – Надо лететь через Катманду.

– Через Катманду – значит, через Катманду. Катманду же, вроде, в Непале? Ларис, мне нужно попасть в Лхасу! Обратного пока не надо... (Оля.)

– Ты безвозвратно, что ли? А когда любовь к охраннику закончится, что будешь делать? И, кстати, сейчас не лучшее время для путешествия в Тибет. (Лариса.)

– Я просто не знаю, когда вернусь; у меня там беда с другом... (Оля.)

– Понятно. Как только закажу билеты, свяжусь с тобой. (Лариса.)

– Спасибо. Только, бога ради, быстрее! (Оля.)

– Оля, если ты серьезно собралась на край света, тебе интересно будет узнать, – сказал Сашка, который уже залез в интернет, – что там холодно, надо тащить на себе спальные мешки, и еще баллоны с кислородом, потому что там дышать нечем... И вообще это путешествие не для слабонервных!

– Саш, технические моменты нашей экспедиции в Тибет – это твои проблемы, поэтому я и беру тебя с собой. (Оля.)

– Ты ограничиваешь меня во времени! Я не успею так быстро собраться! Мне надо дня три... Там еще и жрать нечего! Значит, шашлыка не будет. Так я так и думал! (Саша.)

– Я думаю, что все можно будет купить в Лхасе... (Оля.)

– А я вот не уверен, что там вообще что-то будет можно купить! (Саша.)

– Ближайший вылет на Катманду сегодня, в 23.50, – это перезвонила Лариса. – Выкупать?

– Конечно, выкупай! (Оля.)

– Билеты привезут в аэропорт. Рейс Катманду-Лхаса – на следующий день, так что успеете купить все необходимое. (Лариса.)

– Спасибо большое. (Оля.)

– Во сколько у нас самолет?! Я должен отвезти тебя домой, заехать к другу, который, по счастливому стечению обстоятельств, тоже увлекается экстремальным туризмом, забрать у него все необходимое; потом собраться в условиях грандиозного домашнего скандала, забрать тебя... И когда я все это успею?! – возмущался Саша женской алогичностью.

– Саш, помолчи немного, ты меня сбиваешь с курса! (Оля.)

– Я тебя сбиваю?! (Саша.)

– Так, все, поехали. Теть Зин, не плакать и не переживать.

Ждать, верить и молиться. Дядь Володь, что это? Что вы мне суετε? Нет, я не возьму, у меня есть деньги! (Оля.)

– Дочка, а иконку Николая Угодника? (Зинаида Алексеевна, всхлипывая.)

– Николая Угодника – возьму. Давайте! (Оля.)

– Оля, а что скажет твой “олигарх”? (Вл. Ник.)

– Что-нибудь, наверное, скажет. Дядь Володь, помните, вы мне сказали, что мы – одна семья, чтобы ни случилось. У нас все будет хорошо, потому что не может быть по-другому! – Оля обняла Димкиных родителей и шепнула: “Внуков тут без меня берегите, и глупости из головы выбросьте. Не может он умереть, сына не увидев!”

– Оля, мы опоздаем на самолет... Хотя, и к лучшему, что опоздаем... (Саша.)

– Поехали, поехали. Все, дядь Володь, тетя Зин, пока-пока; я вам позвоню... (Оля.)

...

Саша поехал к другу за вещами, а Ольга – на такси, домой. У нее осталось три часа на сборы. – Дети, родители! Всем привет! – громко крикнула героиня.

– Мамуля, привет! А я мультики смотрю! – Алька чмокнула Ольгу и убежала дальше смотреть свои мультики.

– А Алешка где? – поинтересовалась мама Оля.

– Только из школы вернулся, переодевается у себя наверху. (Владимир Иванович.)

Алешка уже спускался вниз по лестнице, когда услышал,

что приехала мама. Но Аполлон, которого он “достал” в последнее время своими вопросами по поводу Дмитрия, схватил его за руку и затянул за портьеру. – Стой и слушай.

Алешка хотел было возмутиться, что подслушивать не хорошо, но Аполлон закрыл ему рот.

– Оля, что это ты сегодня так рано? – удивилась Татьяна Алексеевна. – А Вася где?

– Это хороший вопрос... Лен, – Ольга опять позвонила на работу, – а где мой Вася, ты не знаешь?

– Поехал на какие-то переговоры, просил тебе передать, что дома будет поздно. (Лена.)

– Замечательно! (Оля.)

– А ты-то где? (Лена.)

– А я вот как раз дома. Лен, ты, запиши, пожалуйста, все телефоны Владимира Николаевича... (Оля.)

– У меня есть все его телефоны. Что с Димкой? (Лена.)

– Опять разбился, сволочь! – в сердцах сказала Оля. – Я сейчас вещи соберу, и полечу к нему сегодня ночью, в Тибет... (Оля.)

Алешка услышал эту фразу, сказанную мамой.

– Куда?! Одна полетишь?! (Лена.)

– Нет, с Сашкой. (Оля.)

– Господи, Оля, а может быть... – Лена попыталась спасти брак подруги.

– Нет, Лен, не может быть. В ближайшие дни, ты будь, пожалуйста, всегда на связи. Мне потребуется твоя помощь...

(Оля.)

– А как же дела здесь, на работе? (Лена.)

– Теперь это твои проблемы. У меня сейчас только одно дело! (Оля.)

– Но, почему?! Кто он такой, черт возьми, что ты из-за него должна рушить всю свою жизнь!? – возмутилась Лена.

– Он – Алешкин отец, – очень тихо ответила Ольга.

Для Алешки не случился гром среди ясного неба – он об этом догадывался...

– Ты хотел знать правду? – спросил Аполлон. – Ты ее слышал.

– Пап, помоги мне, пожалуйста, собраться. Альке пока ничего говорить не надо, а то она Васе меня “сдаст”. (Оля.)

– Дочка, – вздохнула Татьяна Алексеевна и схватила за сердце, поняв какие тучи сгустились над головой ее непутевой дочери.

– Татьян, не вздыхай, не вздыхай, – обнял жену Владимир Иванович. – Надо – значит надо. Давай-ка, я тебе валерьянки накапаю... Тибет – прекрасная страна на краю света! Там сейчас замечательная погода: холодно, скользко, опасно и звезды над головой... Что случилось-то?!

– Этот горе-путешественник свалился в пропасть. Лежит теперь без сознания в монастыре. (Оля.)

– Хорошо, что Саша с тобой поедет, одна ты там не справишься. Обязательно купите баллоны с кислородом или специальные таблетки, если есть. Горная болезнь не лечится,

имей это в виду. И купи себе по дороге костюм полярника, что ли... и ботинки! (Влад. Ив.)

– Пап, вот тебе ключи от моего сейфа в кабинете, мне могут понадобиться деньги. Вот Ленкин телефон. Переведете мне тогда. (Оля.)

– Как там Зинаида-то? (Татьяна Алексеевна.)

– Плохо. Голосит, как на похоронах. (Оля.)

– Может нам их к себе пригласить, взять детей и уехать на дачу, пока ты в Тибете будешь? (Влад. Ив.)

– Это было бы замечательно! Они бы с детьми возились, отвлеклись, может быть... (Оля.)

– Володя, ну, где мы там будем жить?! Как Алеша будет ходить в школу? – возмущалась Татьяна Алексеевна.

– А то у нас там жить негде? (Влад. Ив.)

– Зимой?! (Тат. Алекс.)

– И прекрасно. Печку натопим, баньку организуем, чай горячий... Красота! Татьян, ты не о том думаешь. Нам надо Димкиных родителей к себе забрать, потому что они одни в четырех стенах с ума сойдут. Не можем же мы их сюда к Василию переселить? А на даче – мы будем все вместе; и снег чистить нам с Владимиром Николаевичем сподручнее; а Алексея по очереди будем в школу возить... (Влад. Ив.)

– Оля, Оля... А Васе-то что ты скажешь?! (Тат. Алекс.)

– Скажу, что надо помочь Владимиру Николаевичу Позвоню ему из аэропорта... (Оля.)

– Мам, ты поедешь к дяде Диме в Тибет? – спросил Алешка, выйдя из своего укрытия.

– Ты Василию только не говори, и Альке пока тоже, – попросила сына Ольга.

– А мне с тобой можно? (Алешка.)

– Ой, Алеш... Если Дмитрий увидит меня, он, наверное, сойдет с ума; а вот если он увидит тебя, – Оля обняла сына и погладила его по рыжим волосам. Она вдруг подумала, что надо обязательно взять с собой Алешкины фотографии. – Если он увидит тебя, то он, точно, умрет, а потом и воскреснет, может быть... Алеш, помоги мне собраться в Тибет. Ты, наверное, лучше знаешь, что может понадобиться в горах?

Ольга собирала косметику и одежду а Владимир Иванович и Алешка по списку распечатанному из Интернета, складывали ей совсем другие, гораздо более нужные в Тибете вещи: перчатки, теплые носки, спальный мешок, термос, кипятильник, флягу, налобный фонарик...

Мастер-класс по особенностям пребывания на высокогорье Оля слушала очень невнимательно. Находясь в Москве, сложно представить, что вы будете ощущать в Тибете, тем более, если вы там никогда не были.

Когда ехали в аэропорт, Оля нервничала, звонила то родителям, то детям, то Ленке... Васе не звонила – боялась, что муж может прервать этот незапланированный круиз в Тибет, закатив грандиозный скандал в аэропорту.

Во время паузы в ее диалогах, Саша спросил водителя: –

Как вы как относитесь к Омару Хайяму?<sup>12</sup>

– Никак не отношусь, – ответил удивленный водитель.

– Не будете возражать, если я девушке прочту одно четверостишие? Всего одно, чтобы она успокоилась. (Саша.)

Таксист покачал головой: – Читай, мне-то что.

– Спасибо большое. Оля, ты, послушай... (Саша.)

“Жертвуй ради любимой всего ты себя,  
Жертвуй тем, что дороже всего для тебя.  
Не хитри никогда, одаряя любовью,  
Жертвуй жизнью, будь мужествен, сердце губя!”

Саша уже давно украл у Оли томик Омара Хайяма, и теперь, всякий раз, по случаю и без случая, читал его четверостишия, Рубаи.

– Это же для мужчины написано, что ты мне читаешь? (Оля.)

– А ты у нас разве женщина? Ты плакать-то умеешь, что-то я никогда не видел твоих слез... (Саша.)

– А очень хочется увидеть? (Оля.)

– Да! Тебе самой стало бы легче, между прочим. Мужа ты не любишь, поэтому и вкалываешь, как лошадь – с раннего утра до позднего вечера, чтобы в холодной постели, долго одной не оставаться, а сразу заснуть от усталости. Приличные любовники тебя не устраивают; неприличные, оно и по-

---

<sup>12</sup> Омар Хайям, персидский и таджикский поэт, математик и философ.

нятно, устроить тебя не могут... Ты, кстати, своему “несовершеннолетнему” забыла позвонить. (Саша.)

– Саш?! Ты очень удачно выбрал место и время для морально-нравственных нотаций! (Оля.)

– А ты очень удачно выбрала время для экскурсии в Тибет! Но я не об этом хотел тебе сказать. Перестань звонить по телефону когда с тобой разговаривают! – Саша забрал у Ольги телефон.

– Ну что ты хотел мне сказать – говори! (Оля.)

– Оказывается, на этом свете есть мужик, который может выбить тебя из колеи, настолько, что ты все бросаешь и летишь к нему в Тибет... В такой мороз! Оль, там минус сорок, бывает, ты осознай! (Саша.)

– Ну, что ты выдумываешь?! От – ЮС до +1 °С. Алешка в интернете смотрел. (Оля.)

– Да, нет, лети, спасай, без вариантов. Кому же еще его спасать? Вот только чует мое сердце – попросит меня Вася с работы за такие дела... (Саша.)

– Я очень переживаю за детей... (Оля.)

– С детьми-то как раз все будет нормально, у них есть адекватные бабушка и дедушка. Непонятно, в кого ты такая уродилась?! О себе бы лучше подумала, ты же на развод нарываешься... Ты вообще, отдаешь себе отчет в своих действиях?! (Саша.)

– Отдаю, – вздохнула Оля.

– Ну? (Саша.)

– Что, ну? (Оля.)

– Лишишься всех материальных благ. Потом будешь локти кусать! (Саша.)

– Не злорадствуй – ты тоже лишишься зарплаты. (Оля.)

– Сравнила, ты хоть удовольствие получишь... (Саша.)

– Большое удовольствие... Он же при смерти!? (Оля.)

– Говорят, хоронить бывших любовников до чрезвычайности приятно... (Саша.)

– Саш, как тебе не стыдно?! (Оля.)

– Да, шучу я, шучу. В Тибет – так в Тибет. Я у Сереги забрал все, что было: спальники, рюкзаки с жесткой спинкой, специальные очки с боковой защитой от света, дозиметр – для измерения радиоактивности... Куртки и штаны с защитой от влаги и ветра, термобелье, специальные трекинговые ботинки. Каждый ботинок по килограмму весит! У нас будет такой дикий перегруз! Давай мы хоть твою косметику выбросим, за ненадобностью? Да, и ботинки тебе надо одеть, чтобы ты к ним привыкла... (Саша.)

– Не буду я надевать чужие ботинки! – возмутилась Оля.

– Будешь, как миленькая. Или будешь штурмовать Тибет на шпильках? (Саша.)

В аэропорту Оля устроила грандиозный скандал: – У нас будет перегруз, потому что ты набрал с собой никому ненужный хлам!

– Дура! Это тебе не туристическая поездка! В горы надо брать не то, что тебе хочется – а то, без чего нельзя обой-

тись! – Сашка был непреклонен. И Ольгины юбки и бархатные кофточки остались в камере хранения аэропорта.

...

Ольга набрала телефон мужа, когда они с Сашей уже сидели в салоне самолета, за пять минут до взлета. – Вась, привет. Как у тебя дела? Хорошо? У меня тоже. Только мне надо срочно в Тибет слетать; у Владимира Николаевича – беда, а он нам всегда помогает...

– Куда слетать?! Я не понял... (Вася.)

– В Тибет. Туда-обратно, всего пару дней... (Оля.)

– Ты что охренела?! Зачем?! (Вася.)

– Димка разбился; Владимир Николаевич полететь не может, потому что тетя Зина болеет... (Оля.)

– А ты-то тут причем? Кто такой Димка?! (Вася.)

– Сын Владимира Николаевича... (Оля.)

– Ну? (Вася.)

– Он сорвался в пропасть, лежит в монастыре, без сознания. Нужно организовать лечение! Настоятель монастыря просит приехать родственников... (Оля.)

– А ты, что – родственница? (Вася.)

– Ну, почти; я много лет дружу с Владимиром Николаевичем... (Оля.)

– Да мало ли кто с кем дружит! Оль, ты – ненормальная?! У Дмитрия, по-моему, жена есть; вот пусть она и летит! (Вася.)

– Он развелся перед Тибетом. А потом, у его жены ма-

ленький ребенок... (Оля.)

– Да ты-то тут причем?! Нечего не понимаю! У нас тоже Алька маленькая... (Вася.)

– Вась, мне надо лететь, иначе у теть Зины инфаркт будет. Ты тут за детьми пригляди... (Оля.)

– Оля, Оля, успокойся, я уже еду домой, – вообще-то Вася сидел в одном полотенце на бедрах, в сауне, отдыхая после “сложных” переговоров. – Сейчас приеду, мы поговорим и все обсудим. Если Владимиру Николаевичу помощь нужна, мы, конечно, поможем, какой разговор... Но лететь тебе нет никакой необходимости! Чем ты ему поможешь? В крайнем случае, Сашку пошлем. Ну, если, похороны.

Он тело привезет или урну с прахом, что гораздо легче, – тут Вася услышал, как Ольга зарыдала в телефон, и набрал Сашкин номер.

Саша отключил свой телефон, еще когда ехал за Ольгой, потому что его жена тоже никак не могла понять: зачем он летит в Тибет? “Уволит, меня, Вася. Без вариантов. Ну, хоть в Тибете побываю. Говорят, красота там нереальная...”

*(Небо, Москва-Тибет)*

Жизнь может измениться. Внезапно. Оля предполагала, что рано или поздно, так оно и будет. То, что должно случиться – случится, и никуда не денешься. Она решила лететь в Тибет потому, что была убеждена: только действуя, можно спасти человека. Здесь все средства хороши. Если нужны

врачи, лекарства и больница – она все организует. Если нужно верить и молиться – она будет. Она готова заплатить любую цену за его жизнь, ведь она – ангел-хранитель его души. Просто она не может быть рядом с ним, потому, что он – исчадие ада... А может это проблема в ней? Нет, точно в нем.

Первую половину полета Оля проспала. Ей приснился Надежный Лев с огненной шерстью, который заслонил ее от Злобной Пятнистой Гиены. А Сашка ел, пил, читал книжку о Непале, которую успел купить в аэропорту; спал, опять ел, пил... Когда Оля наконец-то проснулась и привела себя в порядок, он сказал: – Ну, теперь я буду спать, а то не успею выспаться перед экстремальным восхождением на высочайшие вершины мира.

– Теперь можно с вами познакомиться? – поинтересовался сосед, импозантный мужчина с седыми висками, лет пятидесяти-пятидесятипяти.

– Теперь можно, – улыбнулась Оля. – Я проспала почти всю дорогу...

– Вы спали достаточно спокойно, это я могу диагностировать, как доктор. (Сосед.)

– Я уже привыкла к этим чудным снам, приняла ситуацию и теперь готова к любому повороту событий. Меня Ольгой зовут, Ольгой Владимировной, а вас?

– Ну, для отчества вы слишком молоды, а самолет – не место для официальных бесед; поэтому – Ольга, Оля, или даже Оленька. А меня зовут Александр Ильгизирович. А теперь,

когда мы наконец-то познакомились, расскажите-ка мне, какую сложную жизненную ситуацию переживает такая красивая женщина? Уж простите меня за любопытство. Во-первых, нам еще долго лететь. А во-вторых, как врач, я считаю, что настоящие проблемы могут быть связаны только со здоровьем.

– Хорошо, я вам расскажу. Потому, что, во-первых, я не считаю любопытство пороком. А во-вторых, мне как раз нужен доктор. А вы, какой доктор, хирург? (Оля.)

– Хирург. – Александр Ильгизирович протянул Оле свою визитку.

– Ой, а я о вас слышала... И даже читала статью в журнале. Как же это замечательно, что мы летим в одном самолете! (Оля.)

– Ну, а кто же вы, моя таинственная попутчица? (Алекс. Ильг.)

– Кто я? Ох, Александр Ильгизирович, если бы вы спросили меня об этом вчера, я бы много чего могла вам рассказать. Например, что у меня прекрасная семья: муж и двое замечательных детей; что я финансовый директор успешной фирмы, и что недавно я закончила МВА-финансы. Это мое последнее достижение. (Оля.)

– А что вы скажете мне сегодня, на высоте десять тысяч метров над уровнем моря? – улыбнулся Александр Ильгизирович.

– Скажу, что нельзя врать самой себе, что от судьбы не уй-

дешь, и что ни деньги, ни связи, ни уверенность в завтрашнем дне не делают нас счастливыми. (Оля.)

– Оленька, это известные истины... (Алекс. Ильг.)

– Теперь эти истины стали моим личным опытом, – вздохнула Оля.

– Поздравляю тебя. И какой ценой? (Алекс. Ильг.)

– Пока не знаю, какую цену назовут боги, поэтому и лечу в Тибет. Хотя я догадываюсь о цене вопроса... Я так и знала, что рано или поздно этот самый важный вопрос в моей жизни встанет на повестке дня, и я не смогу его проигнорировать! (Оля.)

– Ну, чтобы задать самому себе “самый важный вопрос в жизни”, нужна большая смелость. Ведь ответ может и не понравится, не так ли? А самое страшное, Оля, ответ может кардинально изменить твою жизнь. Но я скажу тебе по секрету: не нужно бояться. “Страх – это индикатор того, что ты приблизилась к границам своих возможностей и навыков. Поэтому, делая именно то, что страшно, – ты начинаешь развиваться. А развиваясь, ты приходишь к себе...”<sup>13</sup> Оля, а ты летишь просто в Тибет или к кому-то в Тибет? – уточнил Александр Ильгизирович.

– К кому-то. (Оля.)

– И этот кто-то... жив-здоров? (Алекс. Ильг.)

– Будь он жив-здоров, я бы к нему ни полетела. Ни за что бы, не полетела! Но он умудрился свалиться в ущелье, пере-

---

<sup>13</sup> Ричард Темплар, английский писатель и издатель.

ломал все кости, теперь вот лежит без сознания в Тибетском монастыре. Представляете, какой наглец?! (Оля.)

– Да... – Александр Ильгизирович подумал-подумал и сказал: – А знаешь, что? Возьми меня с собой! У меня есть две недели отпуска. Одну из них я могу уделить тебе и твоему таинственному другу. Без ложной скромности, добавлю, что у меня есть кое-какой опыт по спасению упавших с гор. А у тебя, как я вижу, есть вера и любовь. Неплохое начало... (Алекс. Ильг.)

– Я даже не знаю, как мне вас благодарить! – обрадовалась Оля такому неожиданному предложению известного доктора.

– Лучше деньгами, – подсказал Александр Ильгизирович.  
– Договорились, – улыбнулась Оля.

“Спасибо тебе, Пол, за доктора!” (Оля про себя.)

“Какая же счастливая эта девушка, – думал Александр Ильгизирович, – и этот парень, который свалился в ущелье. Дай бог, чтобы он был жив, конечно... Такой счастливый! Галилео Галилей считал, что Вселенная написана на языке математики. Может быть и так. Кто-то считает, что она написана на языке музыки или искусства, а я вот уверен, что она написана на языке любви...”

Когда случается любовь – мир меняется. Ты начинаешь слышать пение птиц, звезды из детства возвращаются на твой небосклон. Ты узнаешь, что в мире существует не только дорога на работу, сама работа, холодильник, телевизор и

диван перед телевизором... Но и бесконечно высокое небо над головой, и удивительно красивая земля, и огромный спектр давно позабытых тобою эмоций. Грусть и радость, страдание и ликование, надежда и отчаяние, вдохновение, вожделение, желание... Человек вдруг узнает, что, оказывается, вокруг него есть люди, и встречаются даже люди порядочные! Жизнь наполняется солнечным светом и музыкой, новыми идеями и дерзкими мечтами. Влюбленный разворачивает бурную деятельность: строит дома, города, мосты, заводы; штурмует вершины гор, знаний, власти, славы, спорта, искусства, науки – любые вершины, которые попадают под руку. Он может даже покорить целые народы и страны, оказавшиеся в опасной близости от него.

Любовь случается со всеми, но не с каждым случается Любовь. Каждый может писать стихи, но не каждый становится поэтом. Мы все знаем, как устроен мир, хотя не все мы физики. Мы много рассуждаем, не являясь философами. Мы молимся богу, когда нам страшно, но от этого не становимся верующими. И не с каждым случается Любовь.

Когда случается Любовь, реальный мир перестает существовать, земля уходит из-под ног, и ты кружишься в небесах в первозданном танце хаоса и неопределенности. Ты теряешь способность думать, трезво оценивать ситуацию и не торгуешься о цене, которую готов заплатить за этот аттракцион. Тебя вообще больше нет. Есть только Любовь. И ты знаешь о любимом человеке все, потому что он – продолже-

ние тебя. Может быть, за эту встречу придется отдать все, что ты имеешь: социальное положение, успешную карьеру, материальное благополучие... Но оно того стоит, черт возьми!

...

Когда Оля летела в Тибет, она вспомнила свой сон о бурной реке... Да, она, выбрала “удобную” любовь сначала с Сашей, потом с Василием. С Димкой все было бы по-другому: ничего не спланируешь заранее; то хорошо, то плохо, то радости, то проблемы. А Оля хотела, чтобы было комфортно, поэтому она всегда стояла на крутом берегу, на высоких каблуках, красивая, расчетливая, хитрая. Бурный поток любви проносился где-то там, далеко внизу, лишь брызгаясь и шумя. Она иногда позволяла себе порезвиться в реке, не уплывая далеко от берега. Но глубина манила ее... Ей хотелось разбежаться и прыгнуть во что-то завораживающее и ужасное одновременно, ни о чем не думая, ничего не боясь... “А стоит ли он на другом берегу? И меня ли он ждет?” – думала Оля о Дмитрие.

Дима в этот момент был очень и очень далеко. Он стоял не на берегу реки, он стоял на краю своей жизни...

# Диалог со Смертью



*(Между мирами)*

...Димка почувствовал запах роз, хотя до этого момента никогда не задумывался, как пахнут розы. Он находился в каком-то Неведомом саду. Роскошные, насыщенные влагой, цветы заплетали деревянную изгородь розовыми, белыми, бардовыми и желтыми махровыми коврами. Малиновые, абрикосовые и лимонные ароматы витали в воздухе, терпкие

и едва уловимые. Вокруг были тысячи, миллионы, мириады цветов. Музыка Райского сада уносила героя в Неведомое пространство...

Идя дорогой роз, он оказался там, где не было никаких границ, предметов и мыслей, не было времени, но был свет. Только свет.

Не яркий, неоновый свет городских улиц, а тихий вечерний свет гостиной, где ты желанный гость; в доме твоих несбывшихся надежд. Дима почувствовал любовь ко всему и ко всем; это чувство было новым для него...

На пороге открывшегося Рая герой плакал над упущенными возможностями и растраченными в поисках счастья годами. В чужих краях пытался он отыскать любовь, а она, оказывается, всегда жила в нем. Диме даже показалось, что он обрел гармонию со своим прошлым, но тут его внутреннему взору явилась Ольга, и гармония бесследно испарилась. Воспоминания об ее изменах, браках, детях захлестнули его сознание. Телом вновь овладела боль, душой – отчаянье, а потом вернулась и ненависть. “Из-за этой златокудрой чертовки я не был счастлив в жизни, из-за нее я и в Раю буду мучиться?!” Но облик королевы растворился в розовом тумане; и он сам стал меняться, причем изменения эти были существенными.

Сначала он превратился в Ольгу(!), а потом в ее величество Женское Коварство(!!). Согласно жизненным принципам Дмитрия, это превращение должно было вызвать отрав-

ление организма и рвоту. Причем эта неприятность должны была случиться неоднократно... Но ничего подобного не произошло. “Так, значит, женское коварство будет сопровождать меня даже в Раю?! Или я должен принять его как данность? Но не могу же я вот так запросто взять и отказаться от собственных принципов?!”

В общем, Рай пришлось покинуть... И тогда наступила Тьма.

...

“Теперь вокруг меня абсолютная темнота”, – с ужасом констатировал герой. Он ничего не слышал, никого не видел, не мог открыть глаза и не чувствовал своего тела.

– Это тебе только кажется, потому что ты считаешь свою жизнь неосуществленной. На самом деле, вокруг тебя – свет. (Аполлон.)

“Вокруг абсолютная тьма... И тишина. И больше ничего. Неужели я все-таки УМЕР?!” – с ужасом думал Дима.

– Кто же, Дим, видит темноту, если ты умер? – поинтересовался Аполлон.

– Пол, привет! Я ощущаю твое присутствие... Это потому, что я еще жив, или потому, что я уже мертв?! (Дима.)

– А ты как хочешь больше? (Аполлон.)

– Пол, подожди, подожди... Я не хочу, не хочу умирать!!! Я еще очень молод! Не так много я и натворил всяких мерзостей! Уж точно, не больше чем другие! Во всяком случае, я никому ничего не обещал...

Ребенок Анькин – не мой; ну, ты же знаешь?! Жизнь я никому не портил: каждый сам себе портит жизнь. Ну, только если родителям. Пол, я даже заповеди не все нарушаю... (Дима.)

– Ты христианские заповеди имеешь в виду? Возлюби ближнего, как самого себя? Не убивай. Не прелюбодействуй. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего... (Аполлон.)

– Ольга?! Да, с ней я, конечно, дал маху, но она мне смерти не желает; я это точно знаю! Она – вполне приличная баба, просто шлюха... (Дима.)

– В этом мире все тленно. Люди придумывают разнообразные идеи и следуют всяческим методикам продления жизни, но они все равно умрут. Разве возможно, чтобы живое не умерло? Бытие человека – конечно, смерть – неизбежна. Царство мертвых многократно больше и разнообразнее, чем царство живых. Недаром, Аид – бог смерти и изобилия одновременно. Все мы приходим из Небытия и уходим в Небытие. “Но небытие – не пустота, наоборот, это подлинная жизнь. Небытие – это когда нечего бояться, это когда на все вопросы получен ответ и цель достигнута”<sup>14</sup>.

Жизнь человеческая – лишь миг вечной жизни души. Человек всегда находится между жизнью и смертью, но никогда не бывает готов к тому моменту, когда он должен покинуть

---

<sup>14</sup> Раджниш Ошо, индийский мистик.

этот мир. Люди смертны, Дмитрий, именно поэтому Жизнь так прекрасна... Но и Смерть прекрасна! Там нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Там есть великий покой и великие возможности... После смерти меняются только два понятия – пространство и время. Память и сознание у умершего присутствуют. Небытие также захватывающе, как и Жизнь... А ты, что, боишься Смерти? (Аполлон.)

– Ну, конечно, боюсь! Очень боюсь, – признался Дима.

– Ну, ты же решил быть героем, а герои смерти не боятся... (Аполлон.)

– Да не собирался я быть героем! (Дима.)

– Зачем же ты тогда, не будучи альпинистом, потащился в горы? – удивился Аполлон.

– Пол, потому что я дурак! (Дима.)

– Ну, не настолько же, чтобы не принимать во внимание вероятность, что в горах, да еще зимой, можно разбиться? Ладно, успокойся. Смерть тела не так страшна, как кажется. Смерть тела – “лишь дверь в другую комнату, гораздо более светлую и просторную”, как сказала умница Эль Тат<sup>15</sup>. Ты просто еще не адаптировался к этому “таинственному беспредельному счастью освобожденной от земных забот души...”<sup>16</sup> (Аполлон.)

– Пол!? Я тебя умоляю... Не надо!!! – взмолился Дима.

– Я тебе подготовил специальную литературу. Пока ты на-

---

<sup>15</sup> Эль Тат, русский психолог, специалист по карме.

<sup>16</sup> Станислав Гроф, чешско-американский трансперсональный психолог.

ходишься *между* – успеешь прочесть. (Пол.)

– ?! (Дима.)

– Бардо Тедоль – тибетская книга мертвых; Перт Эм Хру – собрание погребальных египетских текстов; книги из средневековой серии “Искусство смерти”... Особенно глубоко тема смерти была проработана в эпоху Средневековья, когда люди тысячами гибли в войнах, умирали от массового голода, эпидемий и антисанитарных условий в городах, и в моду вошли публичные казни и сожжения еретиков... (Аполлон.)

– Пол, я не смогу это читать! Нормальный человек понять это не в состоянии! (Дима.)

– Нормальный западный человек... Дмитрий, скажи мне, какое событие, кроме рождения, столь же значимо для человека, как смерть? А “нормальный западный человек” всеми возможными путями пытается уклониться от нее. “Старение, болезни, смерть воспринимаются современным обществом не как естественные составляющие процесса жизнедеятельности, а как конец света! Как последний трагический аккорд в непрекращающейся битве человека с природой!

Люди боятся болезней. Как только кто-то из родственников заболевает, они сразу же помещают его в специализированное учреждение. В больницах медики днем и ночью “борются” с болезнью, вооружившись современными лекарствами и хирургическими инструментами. Если больному все же удастся вернуться оттуда живым – семья тут же отправит его “долечиваться” в санаторий.

Люди боятся старости, а особенно – немощи. Больных родителей убирают с глаз долой в дома престарелых, чтобы за ними ухаживали специальные сестры милосердия. Ты, задумайся, Дмитрий: милосердие в современном мире – это не черта характера, это чья-то профессиональная обязанность.

Смертельно больного человека определяют в хоспес – специализированное учреждение для умирающих. Ну, а умершим уже займутся служащие морга и похоронного бюро. Индустрия болезни и смерти избавляет родственников от нелицеприятного зрелища смертельных мук. За деньги, конечно, и до поры, до времени.

Кстати, и врачи, и медсестры тоже предпочитают не входить в близкий контакт с больными и умирающими. (Аполлон.)

– Потому что тоже боятся физических страданий и смерти... (Дима.)

– Своей смерти. Отсюда это навязчивое желание облегчить страдания больного, отсрочить наступление конца, любыми средствами продлить жизнь физического тела. А ведь больные люди, а тем более умирающие, остро нуждаются в искренних человеческих контактах... Верно, Дмитрий? (Аполлон.)

– Верно. (Дима.)

– Не должно быть никакого отчаяния, ибо “что значит умереть, как не встать нагим на ветру и растаять на солн-

це?!”<sup>17</sup> Тем более, кто-то был недоволен жизнью... (Аполлон.)

– Нет, нет, нет! Пол, что ты... (Дима.)

– Ты был счастлив? Каждый прожитый тобою день? – удивился Аполлон.

– Понимаешь, что-то я не доделал на земле... (Дима.)

– Ну, это не удивительно. В твоём подсознании – прошлые жизни; в твоей памяти – незавершенные события вчерашнего дня; в уме – бесконечные опасения и страхи по поводу будущего; в мечтах... эротические фантазии с садо-мазохистским уклоном. Одни иллюзии вокруг! Что тебя радует? Алкоголь и психоделические галлюцинации? Зачем тебе реальная жизнь, если ты проводишь большую часть времени в иных реальностях? Откуда же, черт возьми, возьмется энергия, чтобы сделать не сделанное?!

Но ты не переживай, Дмитрий, главное – ты не исчезнешь полностью; это я тебе обещаю. Внутренние ценности останутся с тобой даже после смерти... (Аполлон.)

– Пол, я тебя умоляю... В последний раз... – прохрипел Дима, ловя ртом воздух.

Бог выдержал паузу и ответил: – В последний, Дмитрий.

Знаешь, почему ты боишься умереть? Потому, что ты так и не познал любовь в своем сердце. “Страх перед смертью – лишь результат неосуществившейся жизни”<sup>18</sup>.

---

<sup>17</sup> Джебран Калил Джебран, ливанский писатель, философ и художник.

<sup>18</sup> Франц Кафка, немецкий писатель по языку и австрийский – по литературной

– Что это за внутренние ценности? – спросил Дима, когда пришел в себя.

– Это все то, о чем мечтает человек. Свобода от собственных страхов, радость от каждого прожитого дня, внутреннее бесстрашие, знание, творчество, удовлетворенность, осознанность, тишина и любовь. Знаешь, что сказал Ошо о жизни и смерти? “У меня нет никакой цели. Поэтому умри я прямо сейчас, у меня бы даже на секунду не возникло ощущения, что я оставляю что-то недоделанным. Не стоит вопрос о завершении чего-то. Пока я жив – работа делается, когда я умру – она закончится”.

О смерти знают поэты, которые умерли молодыми:

Все мы, все мы в этом мире тленны,  
Тихо льется с кленов листьев медь...  
Будь же ты вовек благословенно,  
Что пришло процвести и умереть”<sup>19</sup>.

Без близкого знакомства со смертью невозможно понять философию, религию, мифологию. Невозможно понять ценность жизни. Шкала ценностей, особенно у таких индивидов как ты, меняется после того, как они побывают “по ту сторону”... (Аполлон.)

– У каких индивидов? (Дима.)

---

традиции.

<sup>19</sup> С.А. Есенин, русский поэт.

– Которые входят в Смерть через “Золотые ворота”<sup>20</sup>... (Аполлон.)

– Но я не страдаю суицидальными наклонностями... (Дима.)

– А я ничего не имею против самоубийств. Эти люди хотя бы не пичкают себя огромным количеством лекарств и обладают храбростью умереть в полном сознании. (Аполлон.)

– А есть средство от страха смерти? (Дима.)

– Ну, а как же: вера в реинкарнацию. (Аполлон.)

– В реинкарнацию верят только на Востоке... (Дима.)

– Вера в реинкарнацию существует не только в индуизме, буддизме и джайнизме, она есть и в космологических системах индейских племен Северной Америки, в философии Платона и в орфическом культе Древней Греции, в раннем христианстве... (Аполлон.)

– В христианстве?! – удивился Дима.

Концепция реинкарнации была осуждена Вторым Константинопольским собором в 553 году. Ориген, один из высокообразованных отцов церкви, считал, что “душа не имеет ни начала, ни конца. Каждая душа является в этот мир, усиленная победами, либо ослабленная поражениями предшествующей жизни. Ее положение в мире подобно ладье, которой предначертан путь к чести или бесчестью; определено прошлыми достоинствами и недостатками. Ее деятельность

---

<sup>20</sup> Золотые ворота – знаменитый высотный мост с Сан-Франциско, с которого прыгают самоубийцы.

в этом мире определяет положение в мире грядущем”.

Смерть в незападных культурах не воспринимается как абсолютное уничтожение личности. Она рассматривается как переход или преобразование... (Аполлон.)

*(Непал, Катманду)*

Оле казалось, что все происходит очень и очень медленно. Она не понимала, почему в Лхасу надо лететь через Катманду, если Катманду – это столица Непала, а Лхаса – столица Тибета? Она никак не могла “переключиться” с московского ритма; и уж тем более, не могла взять в толк, зачем набивать рюкзаки ненужным хламом?! В Катманду Александр Ильгизирович и Саша ходили по магазинам и покупали какие-то лыжные палки<sup>21</sup>, водонепроницаемые баулы, кислородные баллоны... Чтобы Ольга не мешалась, ее отправили осматривать местные достопримечательности.

Мало того, что экскурсовод целый день показывал дворцы и ступы, которые Олю в настоящий момент совсем не интересовали, он еще притащил ее к какому-то тибетскому ламе за благословением.

– За каким благословением?! – простонала Оля.

Монахи напоили туристов “адской смесью” – тибетским чаем, от которого Ольгу чуть не стошнило. Тибетцы варят чай, добавляя в него лежалое масло, соль и соду: он имеет кофейный цвет и весьма своеобразный вкус.

---

<sup>21</sup> Имеются в виду телескопические палки для трекинга, альпенштоки.

– Этот чай знаком всем кочевникам Центральной Азии, – ответил экскурсовод на немой Олин вопрос. – Он бодрит и насыщает одновременно...

Лама Ринпоче, благословляя героиню, ударил ее по голове каким-то неопознанным предметом и сказал через переводчика, что ей не надо торопиться, что она все успеет, потому что идет туда, куда должна идти.

“Идти-то я иду, – согласилась с ламой Оля, – вот только очень медленно!”

Оля, конечно, не догадывалась, что Аполлон вел ее теми же дорогами, по которым прошел Дмитрий. Она ходила кругами вокруг тех же ступ, вертела те же самые молитвенные барабаны *мани*, получила благословение у того же ламы. Оля этого не знала, но она верила, что с Димкой все будет хорошо.

...

– Итак, техническое оснащение нашей экспедиции закончено. Теперь поделюсь с вами некоторыми хитростями для облегчения акклиматизации, – сказал Александр Ильгизирович вечером, в отеле.

– Акклиматизация – это нормальный процесс привыкания организма к дефициту кислорода и понижению давления на высоте. Происходит он в первые семь дней после прилета в Лхасу. Першит горло из-за сухости воздуха, даже при малейшей нагрузке учащается дыхание, беспокоит головная боль, иногда случается рвота и расстройство желудка...

– И что делать?! (Саша.)

– Во-первых, не надо никуда спешить, – Александр Ильгизирович укоризненно посмотрел на Олю. – Но надо двигаться и глубоко дышать. Во-вторых, пить как можно больше жидкости – до четырех литров в день...

– А пиво – можно? (Саша.)

– Пить надо постоянно и маленькими глотками. Пить будем горячий напиток на основе лимона, меда, имбирного корня, шиповника и каркаде... И растворимый аспирин с витамином С. В-третьих, никакого алкоголя, никотина, передания и кофе! Есть будем витамины и сухофрукты (курагу, чернослив, имбирь), а также орехи, горький шоколад и сахарки из черного хлеба с солью... (Александр Ильгизирович.)

– А лекарства? (Саша.)

– Лучшее лекарство – это время и постепенный набор высоты. Но я взял с собой гомеопатические мочегонные средства, микрогурин и диамокс<sup>22</sup>. (Алек. Ильг.)

– А чтобы башка не болела? (Саша.)

– Парацетамол, ибупрофен... Все взял. (Алекс. Ильг.)

– Александр Ильгизирович, а какая нас ожидает погода? – поинтересовался Саша.

– Хорошая. Днем солнце будет прогревать воздух до восьми градусов тепла, ночью температура будет опускаться до минус восьми. Ветер будет холодным. И днем и ночью было

---

<sup>22</sup> Микрогурин – биодобавка, облегчает симптомы акклиматизации. Диамокс стимулирует работу мозга, почек и заставляет чаще дышать.

ясно. (Алекс. Ильг.)

– Когда лучшее время для посещения Тибета? (Саша.)

– В мае-июне и в сентябре-октябре. Тогда климатические условия оптимальны, а содержание кислорода в воздухе максимально. Так что твой друг, Оля, правильно выбрал время... (Алекс. Ильг.)

– Только вот зачем он задержался так надолго? (Саша.)

– Значит, на то были причины. (Алекс. Ильг.)

– А почему не в июле-августе; ведь летом здесь, наверное, теплее? (Саша.)

– В июле-августе есть большая вероятность дождей. Из-за дождей и высокой влажности не видны вершины гор, дороги часто преграждаются селевыми потоками, а в июне по Тибету иногда проносятся непродолжительные песчаные бури... (Алекс. Ильг.)

– Песчаные бури?! Здесь? (Саша.)

– Да, в Тибете есть песчаные дюны. Во второй половине августа погода в Тибете обычно меняется, дожди прекращаются, и в сентябре-октябре, как правило, стоит ясная солнечная погода. Температура днем +10+15, к вечеру холодает до +5. Однако нужно помнить, что погода в горах всегда переменчива, и даже в самые благоприятные месяцы может выпасть неожиданный снег на несколько дней и занести перевалы. Не следует забывать и о большом перепаде дневной и ночной температур. Солнечный день сменяет морозная ночь с инеем даже в сентябре! К тому же здесь почти всегда дует

ветер. Но в целом, погода вполне дружелюбна...

В высокогорье воздух разряжен, поэтому следует беречь глаза и все тело от сильного ультрафиолетового излучения с помощью солнцезащитных очков и крема с SPF-фактором. В горах старайтесь полностью закрываться, оставляя открытыми только лицо и руки, которые следует регулярно смазывать кремом от загара. Тибет – страна ветра и пыли, поэтому для глаз и носа у нас есть увлажняющие капли, для губ – защитная помада, и еще мы купили специальные маски от пыли... (Алекс. Ильг.)

– А зачем вы взяли растворимые супы и каши? Разве в Тибете нет ресторанов? (Оля.)

– Оленька, Тибет – страна особая. Здесь у людей иное мировоззрение, иная система ценностей, отличная от европейской культура и религия... И в горах, конечно, нет ресторанов. (Алекс. Ильг.)

*(Тибет, Лхаса)*

Дорога из аэропорта в Лхасу проходила по долине реки Брахмапутра. Деревни, стада, огороды... и горы вокруг. Лхаса находится на высоте 3650 метров над уровнем моря, и в переводе с тибетского означает “место богов”.

В машине Оля спрашивала Александра Ильгизировича, как они доберутся до Димкиного монастыря: по железной дороге или на машине?

Железная дорога в Тибете есть. Это самая длинная и са-

мая высокогорная в мире, Цинхай-Тибетская железная дорога; 960 км которой расположено на высоте более четырех тысяч метров над уровнем моря! Протяженность дороги – 1956 км. Движение на участке Синин-Голмуд было открыто еще в 1984 году а участок от Голмуда до Лхасы строился как раз сейчас...<sup>23</sup> Ну никто же не знал, что Ольга Владимировна, жена “олигарха” Васи из Москвы, в Тибет соберутся!

– Как на такой высоте можно строить железную дорогу? – удивлялся Саша.

– Я тебе отвечу, как, пока нам не дали китайского гида-КГБэшника. Нет на свете таких вершин, которые не смогли бы взять китайские коммунисты. Железную дорогу на Лхасу строят не вольнонаемные трудящиеся... (Алекс. Ильг.)

“Десять лет трудовых лагерей,  
И в подарок рабочему классу —  
Там, где были тропинки зверей,  
Проложили Тибетскую трассу”.

...

– Александр Ильгизирович, мне Макс<sup>24</sup> сказал, что добраться до нашего монастыря можно только на джипе. Два дня на джипе, а потом двадцать километров пешком! Мы

---

<sup>23</sup> Тибетская железная дорога приняла первых пассажиров 1 июля 2006 года.

<sup>24</sup> Макс – китайский КГБэшник.

после такого трекинга выживем?! Или мне с женой попрощаться, пока связь есть... (Саша.)

– Замечательно, значит, вы с Ольгой увидите кусочек Тибета. Вы будете потрясены! Только перед трекингом надо хорошо выспаться.... (Алекс. Ильг.)

И Оля бы выпалась, если бы не горная болезнь, которая “накрыла” ее в четыре часа утра. Она проснулась от ужасной головной боли и сильного озноба...

– Оль, тебе тоже плохо? – в дверь барабанил Сашка. – Отрывай, сейчас мы тебя вылечим!

После экстренного лечения Оле приснился добрый Синий Дельфин, который спас маленькую девочку от кровожадной Полурыбы-полузмеи Мурены. Перед пробуждением, во сне светило

Солнце, летали Веселые Стрижи, не обращая внимания на искавшего что-то в земле Слепого Крота. Потом Крот нашел поилку с тибетским чаем, и пил его до тех пор, пока чудесным образом не прозрел...

Александр Ильгизирович удержал Ольгу в Лхасе еще на один день, мотивируя это тем, что надо кое-что докупить. На самом деле – для лучшей адаптации к условиям высокогорья. Набор высоты должен быть постепенным. При наборе каждой тысячи метров, желательно хотя бы один день пробыть на этой высоте.

– Я думала Лхаса – маленький “город небожителей”, а

здесь давно уже цивилизация... (Оля.)

– Население Лхасы – семьдесят пять тысяч человек. Это раньше в Лхасе жили боги и люди, осознанно отказавшиеся от внешних материальных ценностей для внутреннего духовного познания, а сейчас это китайский город. С 1985 года китайцы возвели здесь многочисленные современные строения. Мы посетим сегодня рынок Баркор... (Алек. Ильг.)

...

Вокруг храма Джоканг расположен старый район Баркор.

– Во все времена здесь шумел восточный базар. И сегодня на прилавках можно найти все что угодно... (Алекс. Ильг.)

– Только вряд ли что-то нужное. (Саша.)

Обедали они в том самом кафе, на балконе которого любил сидеть Димка. Внизу, по часовой стрелке, обходили храм паломники буддисты, а против часовой – немногочисленные поклонники религии бон...

На крыше храма Оля долго смотрела на окружающие Лхасу горы, на небо с облаками. “Что ждет меня там, за этими горами?!” На душе было тревожно, но солнце наполняло героиню жизненной силой. Сегодня, 26 ноября был праздник Солнца...

Возвращались в отель уже поздно вечером. Шли по какой-то улице и неожиданно увидели дворец Потала...

– Ничего себе! Я никогда не видел его ночью, – сказал восхищенный Александр Ильгизирович.

## *Иллюстрация. Загадочная Потала.*

*Фотография Тырченко А.В. (Цвет. илл. 3)*

Стоявший на берегу озера дворец отражался в воде, и получилось сразу два дворца. Оля пыталась сфотографировать открывшееся им чудо.

– Дай сюда фотоаппарат, а то снимки испортишь! (Саша.)

...

Странные сны, к которым уже привыкла Оля, перестали быть страшными. Сначала во сне шел Золотой Дождь, потом прилетел Златогривый Пегас и растоптал своими серебряными копытами Ядовитую Гадюку. А потом Олю опять накрыла горная болезнь...

*(Тибет, Лхаса-Шигадзе-Сага-озеро Манасаровар)*

– Оля, может быть, ты все-таки переобуешься? – спросил Александр Ильгизирович, озадаченно глядя на каблук-шпильки.

– Нет! – гордо ответила Оля.

– Не стоит, Александр Ильгизирович, не стоит с ней связываться. Поверьте моему многолетнему опыту. Она упрямая, как коза. (Саша.)

– Но она же ноги сломает? (Алекс. Ильг.)

– На этот счет можете быть абсолютно спокойны: она даже по пляжу ходит на каблуках. Сломает она не ноги, а свои каблуки, вот тогда и переобуется в нормальную обувь. (Са-

ша.)

Ольга отказалась одевать бандану, чтобы “не испортить прическу”. Солнечные очки, по ее мнению, “оставляли белые пятна на лице”, а жирный крем от солнца “вообще портил кожу”. Александр Ильгизирович не знал, как убедить ее выполнить эти необходимые в горах мероприятия, а Саша предложил обратить внимание на лица местных жителей. Лица коренных жителей Тибета были красными, обветренными, со слезящимися глазами и растрескавшимися губами... Оля, увидев, что ожидает ее в недалеком будущем, не только намазалась кремом, но и замоталась платком, как арабская женщина.

...

По дороге героиня удивленно смотрела по сторонам. Никогда в жизни не видела она такого яркого солнца, невыносимо синего неба и удивительных гор. Вокруг были снежные горы, тибетские деревни, бесконечная дорога... Белые одно-двух этажные деревенские домики с красной окантовкой по верху напоминали маленькие тибетские монастыри. На оградах лежали стопки сушеных ячых лепешек – единственного доступного топлива в Тибете.

Деревни сменяли друг друга. Населенные пункты отличались цветом домиков и крыш, а вот победоносно развивающиеся китайские флаги всегда были красными.

Водитель ехал очень медленно.

– В Тибете вообще никто никуда не торопиться, – вздох-

нул Саша.

– В этом разница между западным и восточным менталитетом... (Алекс. Ильг.)

– Ага, разница. Если в России две беды: дураки и дороги, то в Тибете только одна – дураки. Потому что только дураки могут ехать по свободной дороге со скоростью пятьдесят километров в час! (Саша.)

– Мало того, что ползет как черепаха, так еще и поет! Я его сейчас убью, – сказала Оля, имея в виду водителя.

– Здесь просто не разрешено ехать быстрее, – разъяснил ситуацию Александр Ильгизирович. – Мы же на оккупированной территории находимся...

– Что-то я не заметил гаишников, одни голодные тушканчики бегают... (Саша.)

– А ты обратил внимание, что на каждом въезде в деревню находятся КПП? Там контролируют скоростной режим. Поэтому мы стояли и ждали на обочине, чтобы не приехать раньше положенного времени... (Алекс. Ильг.)

– До чего же хитрые эти китайцы! (Саша.)

– Александр Ильгизирович, я столько раз спрашивала у водителя про реку, а он все время отвечает мне, что это Брахмапутра. Он надо мной издевается?! (Оля.)

– Но это, действительно, Брахмапутра или Ярлунг Цангпо. Дело в том, что эта река протянулась вдоль всего центрального Тибета. Во время летних дождей вездесущая Брахмапутра разливается, и пейзажи Тибета начинают напо-

минать Юго-Восточную Азию. Между прочим, через нее нет мостов... (Алекс. Ильг.)

– Днем цветовая палитра Тибета потрясающая... (Оля)

– Да уж! Снег и ветер. Ветер и снег! (Саша.)

– Синее небо. Бежевые и темно-коричневые горы. Бронзовозолотые горы, серебряно-золотые... Сияющие снежные вершины. Ледники, струящиеся по склонам гор, словно корни гигантских деревьев, или как будто пенящиеся волны бушующего моря... (Оля.)

– Я в прошлый раз был здесь в сентябре, вот тогда была красота. Склоны гор были покрыты зеленым мхом и разноцветными травами. Вокруг раскинулись бронзовые поля. Горы были совсем разноцветными: зелеными, бежевыми, бардовыми... А на закате они окрашивались в розовые, золотые, темно-синие и сиреневые цвета. (Алекс. Ильг.)

– Горы напоминают огромных мифических монстров. Небо и сказочные великаны... Нереальные пейзажи! (Оля.)

В машине звучала тибетская музыка. На горных перевалах закладывало уши...

– Ну, вот, мы и добрались до Саги, – сообщил китайский сопровождающий.

Ночью добрая Белая Корова поила Олю молоком. На горизонте лишь на мгновение появился Черный Носорог, но тут же пропал, растворившись в Белом Тумане. Оля проснулась и облегчено вздохнула. Больше ей не снились мифические животные.

...

– Как вы и предупреждали, Александр Ильгизирович, на улице не лето, – констатировал Саша за неторопливым ранним завтраком.

– С декабря по февраль – самое холодное время в Тибете. (Алекс. Ильг.)

– Это я уже понял. (Саша.)

– Здесь устанавливает холодная и сухая погода, и посещение Тибета в это время проблематично. Все перевалы занесены снегом и проезд часто не возможен. Но в долинах, расположенных невысоко, снега совсем немного. Надеюсь, что мы доберемся без приключений... (Алекс. Ильг.)

– То есть нам повезло? Могло быть и хуже? Я вот что думаю... Оль, может нам еще и вокруг Кайласа обойти? Заодно уж. Когда Дмитрий в следующий раз свалится, не известно... (Саша.)

– Кайлас отсюда далеко... (Алекс. Ильг.)

– Но ближе чем Москва! (Саша.)

Оля почти не участвовала в разговоре, она приходила в себя после гестхауса, в котором они ночевали, и пыталась представить, что же будет дальше. В “гостинице” не было горячей воды; не было даже кранов, откуда эта вода могла бы течь. Не было ванны и туалета – была дырка в полу, в деревянной будке на улице. Так как электричество включали на час в день, то ночью в туалет надо было ходить с фонариком на голове... Это потом, во время трекинга в горы, Оля

поймет, что отсутствие бытовых удобств – это, конечно, проблема, но нехватка кислорода – проблема куда более существенная!

...

Когда Оля шла по горной тропе к Димкиному монастырю, она плакала. Тушь разъедала глаза, глаза слезились, и она почти ничего не видела вокруг. Как и обещал Саша, каблуки сломались очень быстро. Героиня переобулась в трекинговые ботинки, стерла с лица косметику, убрала в “хвостик” свои роскошные кудрявые волосы и перестала требовать “элементарных человеческих удобств”.

– Ну, вот и акклиматизировалась, – улыбнулся Саша.

Теперь Оле не надо было смотреть под ноги, и она увидела неземные Рериховские пейзажи<sup>25</sup>. Снежные горы, небо и буддийские ступы, увешанные флажками. Эти цветные молитвенные флажки в Тибете повсюду – на вершинах гор, в долинах, над монастырями и жилыми домами...

– А что означают эти флажки, которыми опутаны горные вершины? (Оля.)

– На этих флажках написаны молитвы. Тибетцы, верующие буддисты, вывешивают их в местах, где дует ветер. Флажки колышутся на ветру, и ветер разносит на дальние расстояния положительную энергию их священных текстов. (Алекс. Ильг.)

---

<sup>25</sup> Николай Рерих рисовал не Тибет, а индийский Сикким. Видимо, они похожи...

Пройдя двадцать километров пешком, Оля стала другой...

...

Когда вечером, с рюкзаками за спиной, Александр Ильгизирович, Саша, Оля и Макс, наконец-то, добрались до Димкиного монастыря, в Ольгиной голове остались две мысли. Первая: “Только бы он не умер за эту неделю, пока я добирюсь к нему”. Вторая: “Какие же должны быть проблемы в жизни у человека, чтобы он приехал в этот суровый край по собственной воле?!”. Оля имела в виду, конечно, Дмитрия, а наблюдавший за ней Аполлон имел в виду кого-то другого.

***Иллюстрация. Золотые вершины Тибета.***

*Н.К. Рерих “Путь в Шамбалу”. (Цвет. илл. 4)*

Уставшие путники остановились передохнуть. Монастырь был уже виден. Олю преследовала музыка звенящих колокольчиков и, даже когда она закрывала глаза, разноцветные флажки продолжали трепетать на ветру... В голове осталась только одна мысль: “Только бы он был жив”.

***Иллюстрация. Монастырь в горах.***

*Н.К. Рерих. “Гималаи. Темно-синие горы, постройки на холме”. (Цвет. илл. 5)*

Оля вошла в келью, где лежал Дмитрий, увидела его, и

пол медленно поплыл из-под ног... Саша едва успел поймать ее: – Ты только не падай!

– А, он точно, живой?! – спросил Оля Ганса, немца-монаха, который привел их к Дмитрию.

– Живой-живой, это я тебе как специалист по смерти говорю. (Аполлон.)

– Пол, а ты к смерти какое отношение имеешь? (Оля.)

– Здрасьте вам. Вообще-то, я – демон смерти, убийства, и даже человеческих жертвоприношений, но, правда, освященных ритуалами. (Аполлон.)

– Как же можно быть целителем и губителем одновременно? (Оля.)

– Это кто говорит? Ты же Димку своего постоянно спасаешь. Зачем? Чтобы потом, когда он придет в себя, сделать ему еще больнее. Разве не так? (Аполлон.)

Оля нахмурилась. – Не так однозначно.

– Но и у меня все не так однозначно. Жизнь вообще, слава богам, изменчива и разнообразна. Добро превращается в зло, которое становится добром. Я же хранитель гармонии, это моя божественная обязанность. (Аполлон.)

– У тебя столько ипостасей, как ты в них не путаешься? (Оля.)

– “У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей”<sup>26</sup>, что уж говорить о богах. (Аполлон.)

---

<sup>26</sup> Константин Бальмонт, русский поэт и историк литературы.

– Пол, почему с ним это случилось?! (Оля.)

– Что? (Аполлон.)

– Как что? Ты что же, белокрылая бестия, считаешь, что с ним все в порядке?! Ты же его ангел-хранитель... (Оля.)

– Ты ничего не перепутала, дорогая? Кто его ангел-хранитель? (Аполлон.)

– Зачем? Зачем... так жестоко?! (Оля.)

– Оль, он сам попросил существенных изменений. Это его выбор. На мой взгляд, хороший выбор. Тибет – единственная страна, где родилась наука о смерти – танатология... (Аполлон.)

– Поэтому ты его почти убил? (Оля.)

– Не преувеличивай, пожалуйста. Без сознания организм имеет редкую возможность отдохнуть. Он же не может в таком состоянии ни есть, ни пить, ни курить, ни баб трахать. Кроме того, сокращенное потребления сахара снижает биологическую активность мозга, что тоже полезно. Там, где он сейчас находится, нет ни света, ни звука, ни запаха, поэтому человек очень скоро начинает видеть, слышать и осознавать нужные ему вещи. Когда он придет в себя – станет совсем другим человеком, вот увидишь. Дней за сорок станет почти святым... Чакры – энергетические центры человека – закрутятся как новенькие, а это очень важно. С помощью *мудхара* человек побеждает страх перед физической смертью. *Свадхистхана* дает способности интуитивного самопознания. *Манипура* помогает ясновидению. *Лнахата* помога-

ет устанавливать контакты и получать информацию на расстоянии. Активизация *вишуддхи* открывает возможность познания прошлого, настоящего и будущего. *Аджна* – “третий глаз” – пробуждает сознание. В *сахасрае* живет бог Шива. Эта чakra похожа на лотос с тысячью лепестков и сияет над головой как “десять миллионов солнц”... (Аполлон.)

Оля хотела перевезти Диму в больницу в Шигадзе.

– Нет, Оля, в таком состоянии его нельзя никуда перевозить! (Алекс. Ильг.)

...

Утром Оля проснулась на рассвете. Потрясающий вид на залитые солнцем горы открылся ей. Монастырь располагался на вершине невысокой отдельно стоящей горы, на высоте трехсот метров над тибетским плато. А высота над уровнем моря была четыре с половиной километра. Внизу в долине струился ручей, к которому приходили на водопой стада яков и коз...

Целый день Саша, Александр Ильгизирович и Ганс делали и делали какие-то дела, а Оля сидела рядом с Дмитрием, смотрела на него и слушала стук его сердца. – Ну, привет, дикий мой тибетский барс. Даже здесь тебе не удалось спрятаться от меня. Здравствуй-здравствуй, демон моей души... Как же мне помочь тебе, Дима? Как заживить сломанные крылья? Аполлон, солнечный мой бог, позволь мне подарить ему половину оставшейся жизни?

...

Вечером, когда на небе возшла убывающая, в три четверти, луна, Оля вышла на воздух. Было морозно. Богиня мудрости и лунного света, вечно юная красавица Артемида, освещала горы своим таинственным светом...

Оля стояла, окутанная тибетской шалью и бездонной декабрьской ночью. Стая серебряных звезд покинула небо и слетела вниз. Звезды превратились в серых, сверкающих металлическим блеском птиц, и вихрем приближались к ней. Женщина сжалась от ужаса, и птицы пролетели сквозь нее...

Она не почувствовала боли. Птицы были прозрачными и невесомыми. Только слух резали неприятные звуки “вжить-жить-жить”, и никуда невозможно было спрятаться. Оля почувствовала холодное прикосновение Смерти...

– Как мне страшно, Пол. Смерть... как это страшно!!! – прошептала потрясенная героиня.

– Почему? – откликнулся солнечный бог жизни и смерти. – Смерть всегда присутствует в жизни. Сон – это маленькая смерть. Оргазм – это тоже смерть: на короткий миг не существует ни времени, ни пространства. Даже любовь – это смерть: в любви умирает эгоизм. “Для близких людей, остающихся на этом свете, очень важен опыт смерти. Участие в процессе умирания уменьшает степень отчаяния перед собственным неминуемым концом. К тому же умирающий может обучить некоторым необычным вещам...”<sup>27</sup>

Оля рассказал Аполлону о металлических птицах Смер-

---

<sup>27</sup> Станислав Гроф, чешско-американский трансперсональный психолог.

ти.

– Страх смерти пронизывает жизнь каждого из нас. Впервые мы осознаем смерть, когда она забирает близкого и любимого нами человека. Мы просим, умоляем, требуем невозможного! И склоняем перед Ней голову как перед Всемогущей Силой, с которой нам никогда не совладать. Мы бессильны и ничтожны перед Смертью.

“Джатор” – “подаяние птицам” – так называется тибетский обычай похорон под открытым небом. Родственники приносят тело на специальное место, и с помощью ножа разделявают его. На ужасное пиршество слетаются хищные птицы и склевывают плоть. Оставшиеся кости мелко дробятся и смешиваются с мукой, чтобы птицы и животные могли их быстрее съесть. Тибетцы верят, что так тела умерших возвращаются в природу через живых существ, а души освобождаются от плоти и достигают небес.

Тебе страшно, Оля, потому, что ты находишься между хорошо знакомым вчера и неизвестным завтра. Если бы люди не боялись жизни во всех ее проявлениях, они бы и смерти боялись меньше. (Аполлон.)

*(А в это время в Москве)*

Ольгины родители решили пожить с детьми на даче. Вася возражать не стал. – И правильно, и поезжайте. Я к вам в выходные тоже приеду... Владимир Иванович, ну хоть вы мне объясните, как так можно? Бросить детей, работу, мужа

и улететь к любовнику в Тибет на неопределенное время?!  
– Вась, ты не волнуйся... Все будет хорошо. (Влад. Иван.)  
– Когда, Владимир Иванович? Когда она думает возвращаться?! (Василий.)

Через несколько дней Василий появился на дачу и был очень удивлен, обнаружив там родителей Дмитрия.

– Владимир Николаевич?! Может быть, хоть вы мне объясните, зачем моя жена полетела в Тибет? Что она делает у вашего сына?

– Объясню, только один на один, без свидетелей. (Влад. Ник.)

– А-а... Ну, тогда пойдемте в машину. (Василий.)

...

– Ты, Василий Андреевич – умный мужик... Так что ж ты такие дурацкие вопросы задаешь?! Сын мой – без сознания, так что вреда тебе от него не будет никакого... (Влад. Ник.)

– Ваш сын – Ольгин любовник? (Василий.)

– Нет. Ольга его первая любовь, еще школьная. Когда он в армию ушел – она замуж вышла. Больше они не встречались: Дмитрий ее видеть не хотел. А с нами она всю жизнь дружит... (Влад. Ник.)

– Почему моя жена поехала его спасать? У него же своя жена есть. Почему вы сами не поехали? (Василий.)

– С женой он развелся недавно. Мать Дмитрия в плохом состоянии, сердце у нее прихватывает, и я оставить ее одну не могу. Ольга поехала в Тибет, потому что мы ее попросили:

Дмитрию помощь нужна... (Влад. Ник.)

– Какая? (Василий.)

– Надо организовать врачей, лекарства, уход... (Влад. Ник.)

– Я вам сочувствую. Но, я не верю, что Ольгу с вашим сыном ничего не связывает! И я это выясню, Владимир Николаевич! (Василий.)

– Это твое право. (Влад. Ник.)

...

Через несколько дней, Василий опять приехал на дачу.

– Что-то удалось выяснить? – поинтересовался Владимир Николаевич.

Василий кивнул.

– Ну, замечательно. Тогда поделись со мной информацией, мне ведь Дмитрий ничего не докладывает... (Влад. Ник.)

– Ваш сын не замечен в отношениях с моей женой. Все их общие знакомые, в один голос, твердят, что, после того, как Дмитрий вернулся из армии, а Ольга замуж вышла, они, действительно, не встречались. Правда любовь у них сильная была, она к нему в армию ездила... Сотрудники вашей фирмы тоже Ольгу знают. Они подтвердили, что Дмитрий ее за версту обходит. Только есть один момент... Даже не знаю, как вам сказать, Владимир Николаевич. Говорят, что Алексей – копия вашего Дмитрия. Вы это отрицать не будете? (Василий.)

– Не буду. Но Дмитрий сына никогда не видел, и знать о

нем ничего не хочет. Это тебе тоже должны были сказать. (Влад. Ник.)

– Сказали... Владимир Николаевич, вы меня не обманули, что они в последние годы не встречались, но они связаны – раз у них общий сын! Теперь мне понятно, почему она полетела в Тибет! (Василий.)

– Ну, Василий, то моя головная боль, не твоя. У вас с Ольгой – дочь, а прошлое – оно у всех есть. Ты поменьше распрстраняйся на эту тему – тогда и сплетен не будет. Ведь Алексей ничего не знает, он считает отцом Александра. Ольга язык за зубами крепко держит. Чего ты расстроился? (Влад. Ник.)

– А вдруг я еще чего не знаю? (Василий.)

– Всего знать нельзя. Да и не нужно... Вот ты узнал, легче тебе стало? (Влад. Ник.)

– Только хуже... (Василий.)

– Семейная жизнь – это не бизнес. Здесь точно, меньше знаешь – лучше спишь. Пойдем за стол, там Татьяна волнуется, что ты голодный... (Влад. Ник.)

За столом Василий все на Алексея смотрел. Потом уехал...

Через несколько дней он позвонил Владимиру Николаевичу и сказал, что летит отдыхать на острова, “потому что работать в таких условиях не может!” Попросил поставить его в известность, когда Ольга соберется возвращаться, чтобы он лично встретил ее в аэропорту. Владимир Николаевич

пообещал...

*(Тибет, горный монастырь)*

Почти все время Оля проводила около Дмитрия. Она протирала его тело спиртом, делала ему перевязки, смазывала раны и ушибы тибетскими мазями, которые приносил Ганс, и давала лекарства, которые купил в Лхасе Александр Ильгизирович. Ночью, если он стонал, она вздрагивала, просыпалась, подходила к нему, успокаивала, поила, даже пела ему песни. Потом подолгу сидела рядом и держала его за руку... Она забыла обо всем на свете. В монастыре было тихо, связи с внешним миром не было.

Днем Оля ухаживала за больным, разговаривала с ним или читала книги, которые привезла с собой. “Мой мужчина из гонимого ветром тумана, ты – чистый освежающий дождь, наполняющий горную реку, ты – спутник темной ночи. Когда в небеса посмотрит мое лицо, ты будешь моим мужчиной...” – Ничего не меняется на земле, – Оля закрыла “Мифы и легенды австралийских аборигенов”, – как древние женщины ждали своих мужчин, так и я жду... Когда подступали слезы к горлу, она уходила молиться в горную пещеру, которую показал ей Ганс.

Немец-монах старался не нарушать ее покой. Когда он был нужен, она всегда могла найти его хлопочущим по хозяйству. Когда с Дмитрием случилась беда, и монахи вытащили его тело из автомобиля, Ганс подумал: “не жилец”. Но

когда в их тихий горный монастырь ворвалась эта любящая горлица, светлая Ольга, он сразу понял: “не даст она ему умереть” А с тех пор, как Ганс услышал ее диалоги с Аполлоном, он при встрече всегда склонял перед ней голову. Оля смущалась, просила не делать этого, а монах целовал ее руку и кланялся ей до земли. И всегда уходил, когда она приходила к Дмитрию, чтобы не мешать: мало ли, какие дела у молодых, и Сашку уводил.

– Чем я им помешаю, если он без сознания? (Саша.)

– Не мешай, я тебе сказал. Лучше за ячыми лепешками сходи. (Ганс.)

– Ага, то за гавном, то за водой. Зачем монастырь на горе построили, олухи царя небесного?! (Саша.)

Хотя монастырь располагался всего на трехсотметровой высоте, учитывая горную болезнь и одышку, ходить туда-сюда-обратно было занятием не из легких, даже для Сашки, который в Москве два раза в неделю регулярно посещал спортзал, правда, по выходным, так же регулярно пил пиво. И не только пиво...

“Блин, как жаль, что я засветился, что знаю немецкий”, – думал Саша, когда тащил очередную партию ячых лепешек или пластиковую канистру с водой на гору.

Вместе с монахами он ходил пешком или ездил на яках в ближайшие населенные пункты, и еще несколько раз добирался до Саги на джипе, который присылал Макс, чтобы “оборудовать” келью Дмитрия “на уровне мировых стандар-

тов”.

– Я даже не могу представить себе, чем ты будешь со мной расплачиваться за этот многоразовый трекинг, – сказал Саша. – Трехлетний сексуальный абонемент, новенькая BMW, пожизненная пенсия за подорванное здоровье – это минимум, на который я рассчитываю... Что ты на меня смотришь? У меня все признаки горной болезни на лицо, а она, я слышал, не лечится!

– Что ты выдумываешь?! – возмутилась Оля. – Какие признаки?

– Когда я бегаю по горам с баллонами воды, у меня появляется одышка и учащенное сердцебиение... (Саша.)

– Так ты ходи, не бегай! (Оля.)

– И еще у меня повышенное давление... (Саша.)

– Откуда ты знаешь, если ты его не измеряешь? (Оля.)

– Оно должно быть повышенным, раз у меня горная болезнь. (Саша.)

– Саш, перестань валять дурака! (Оля.)

– По ночам меня мучает головная боль, бессонница, сексуальное воздержание, головокружение, слабость, тошнота и даже... отсутствие аппетита! (Саша.)

– Отсутствие чего?! Ты сожрал все запасы монахов на много лет вперед. (Оля.)

– Он опять выставляет тебе счета за бескорыстную дружескую помощь? (Алекс. Ильг.)

– Он утверждает, что у него горная болезнь! (Оля.)

– Саша, горная болезнь не является болезнью. Это здоровая реакция адаптации любого организма к изменению высоты. И как только организм адаптировался, симптомы уходят сами собой. По-моему, ты уже давно адаптировался... (Алекс. Ильг.)

– И ничего подобного, Александр Ильгизирович! (Саша.)

– Тогда используй горную болезнь для самопознания. На высоте сознание и восприятие действительности перестраиваются. Наблюдай за своими мыслями и желаниями. Очень может быть, что ты найдешь ответы на сложные вопросы... (Алекс. Ильг.)

– В отличие от Ольги Владимировны, я таких вопросов себе не задаю. Но иногда мне очень хочется выпить... (Саша.)

– Ты же выпил все настойки монахов?! (Оля.)

– Ну, это в целях лечения... (Саша.)

Александр Ильгизировичу так понравилась Оля, что он и вторую неделю своего отпуска провел в горном монастыре.

Иногда к героине для “поднятия морального духа” залетал Аполлон.

– Привет, горлица! Что это ты читаешь? Андрея Курпатова?<sup>28</sup> Мне тоже очень нравятся его книги. Я прочел все, что он написал, и все, что он еще напишет. Я бы дал ему Нобелевскую премию мира за спасение человечества от внутрен-

---

<sup>28</sup> Оля читала книгу “Пять великих тайн. Мужчины и женщины”.

них комплексов и страхов. Осталось только уговорить человечество эти книги прочитать...

– Пол, а миф об андрогинах – существах, разделенных на две половинки, мужскую и женскую, это правда? (Оля.)

– Да, было дело, но немного не так... (Пол.)

– А как? (Оля.)

– Этот миф придумал Платон... (Пол.)

– Ты с ним общался? (Оля.)

– Я и сейчас с ним общаюсь. Он мне друг, но, как сказал Сократ, истина важнее.

В Древней Греции люди были более лояльны друг к другу, секса не стыдились, гомосексуальные отношения были легальны. Многие мужчины, все свое время посвящавшие философии, искусству и науке, вступали в сексуальные отношения с другими мужчинами просто потому, что так было удобнее: не надо искать женщину, уламывать ее, терять время. Да, и если честно, мужские отношения более гармоничны. Мужчины понимают друг друга с полуслова. Сократ, кстати, тоже был гомосексуалистом... (Пол.)

– Какая разница, был ли Сократ гомосексуалистом, если он был Сократом?! (Оля.)

– Но не все были образованными людьми, даже в Древней Греции. Чтобы не конфликтовать с властью и общественным мнением, Платон и придумал миф про андрогинов и изложил его в своем диалоге “Пир”.

– Жаль, что я не читала диалогов Платона, – вздохнула

Оля.

– Всему свое время. Он написал, что в древние времена было на земле три рода людей: мужской, женский и андрогин – мужской и женский одновременно. Тогда образ человека был шаровидный, рук у него было четыре, ног тоже четыре. На одной шее вертелись два схожих лица, смотревших в противоположные стороны... (Пол.)

– Как же они передвигались? Падали, наверное... (Оля)

– Андрогины имели четыре глаза, четыре уха, два рта и два детородных органа – мужской и женский. Ходили они прямо, не падали; когда же нужно было им бежать, они просто катился с горы, подобно клубку. А еще, имели андрогины страшную силу и настолько большие амбиции, что задумали они победить богов. Вот тогда, чтобы сделать людей слабее, Зевс и придумал каждого из них разделить надвое... (Пол.)

– Как разделить?! (Оля.)

– Ну, как? Трах-тибидох. Зевс разрезал их пополам, а я придавал им надлежащий вид: стягивал-натягивал и завязывал на пупке. (Пол.)

Ольга засмеялась.

– Платон тоже смеялся, когда писал. Согласно мифу, после этой процедуры, все смешалось: в ком-то стало больше женского, в ком-то – мужского, а в ком-то поровну. Ничего нельзя было разобрать. Кому-то нужна была женщина, кого-то тянуло только к мужчинам, а кое-кто был не против – то так, то этак. Причем, в разные периоды жизни могло быть

по-разному. Автор добился, чего хотел: разнообразие сексуальных влечений получило почти научное объяснение... (Пол.)

– Как интересно! А я-то думала, что этот миф про притяжение мужчины и женщины... (Оля.)

– Эту печальную интерпретацию мифа придумали романтики Возрождения: что, якобы, боги ослабили людей, разделив их надвое, и с тех пор люди, отложив все остальные дела, только тем и занимаются, что ищут свою вторую половину. Впрочем, никто не мешает верить в единение душ любящих мужчины и женщины. Вопрос веры. Кто верит – может быть счастлив даже в семейной жизни, кто не верит – не будет счастлив и в гареме на тысячу мест. Счастье – это личное дело каждого...

В келью вошел красивый темнолицый пожилой мужчина с длинной седой бородой и в белой одежде. – День добрый, уважаемый Ошо, хотите добавить вашу интерпретацию мифа об андрогинах? – улыбнулся, приветствуя гостя, Аполлон.

Ошо поклонился Богу, улыбнулся Оле и присел к Димке на кровать. – Каждый человек и мужчина, и женщина, – сказал он. – Ведь человек происходит от отца и от матери? Поэтому каждый человек обоеполый.

– Общество всегда утверждало и продолжает утверждать, что мужчина обязан быть мужчиной, а женщина должна быть женщиной... (Аполлон.)

– Эта социальная обусловленность не соответствует природе человека, уважаемый Аполлон, вы же знаете. (Ошо.)

– Согласен с вами, многоуважаемый Ошо. Двойственность в природе вещей. Все социальные (так же как и политические, и национальные, и религиозные) разделения надуманы. (Аполлон.)

– В Индии бог изображается как двуполое существо – *ардханаришвар* – наполовину мужчина, наполовину женщина. (Ошо.)

– Это лучшее изображение бога, которое я видел. (Аполлон.)

– Все границы придуманы людьми. Для энергии преград не существует. Мужская и женская энергии переходят друг в друга. Вот, когда ты, Оля, дышишь левой ноздрей, то действует правое полушарие мозга – и твоя энергия женственна. А когда ты дышишь правой ноздрей, действует левое полушарие – и твоя энергия мужественна... (Ошо.)

– И как часто я дышу разными ноздрями? – удивилась Оля.

– Каждый период длится около сорока пяти минут. Когда ты злишься, закрой правую ноздрю и дыши левой, и через несколько секунд твоя агрессивность исчезнет... (Ошо.)

– Получается, что я не только женщина, но и... мужчина?! (Оля.)

– В тебе течет и мужская и женская энергия. И обе они важны. Когда в человеке встречаются два потока внутренней

энергии, Инь и Ян, человек становится Богом. Об этом миф Платона. Нет ничего важнее этой встречи. В момент этой встречи человек находит бога в самом себе. (Ошо.)

– Апологеты всех мировых религий вряд ли согласятся с вами... (Аполлон.)

– Если они будут внимательно читать первоисточники, они согласятся со мной. Слово “израиль” состоит из трех символов. “Из” происходит от египетской Изиды, или от вавилонской богини Иштар. И в тот и в другом случае, это богиня Луны, женское начало. “Ра” происходит от имени египетского бога Солнца. Это мужское начало. А вот “иль” происходит от слова “элохим”, по-мусульмански это будет “аллах”, а на иврите – “бог”. (Ошо.)

– То есть слово “израиль” символизирует встречу мужского и женского начала, и их трансценденцию? Получается, “израиль” означает “дао”? (Аполлон.)

– Верно. Человек содержит в себе и мужчину, и женщину, и нечто запредельное... (Ошо.)

– Бога? (Оля.)

– Именно это имел в виду Платон. (Ошо.)

# **Глава вторая**

## **Тайна времени**

### **Тайна Адриаана Бекмана**



Оставим наших героев в горном монастыре, а сами вернемся к событиям, предшествовавшим падению героя...

## **“Героическая” эпопея с разводом**

(Москва)

Летом 1999 года Дмитрию исполнился тридцать один год, он работал вместе с отцом в юридической фирме, поэтому знакомые называли его “адвокатом”. Де-юре Дима был женат, де-факто – свободен, как ветер. У него было две квартиры, каждый год он менял машину, с женщинами – тоже не было определенности, но зато у него были настоящие друзья. Их было не много, но они были.

Что касается внешности, если он хотел, он мог быть очень и очень привлекательным. Вещей в его гардеробе было ровно столько, чтобы быстро собраться на работу: два-три костюма, подобранные к каждому костюму рубашки и галстуки. В одежде Диме нравился свободный стиль: джинсы, не мнущиеся слаксы и трикотажные пуловеры. Он обожал кожаные куртки и дорогую удобную обувь. Носки у него были всегда под цвет этой самой обуви. Соблюдая эти немногочисленные правила, ему удавалось выглядеть стильно. Перед тем, как появиться в магазинах “Джентльмен”, что случалось с ним два-три раза в год, он писал себе список вещей и не уходил, пока всего не покупал. Два раза в год, считал он – вполне достаточно. Мужчины – счастливые люди: для них одежда – это одежда, не средство самовыражения.

После автомобильной аварии, случившейся в ноябре 1996 года, Дмитрий перестал много пить, увлекся восточным ми-

стицизмом и пристрастился к экстремальному туризму: то лазил в горы, то погружался на морское дно, а то и вовсе парил над землей на парашюте. Мама очень переживала: Димка был ее единственным ребенком. Владимир Николаевич был спокоен: “Ищет себя, сын. Дай бог, когда-нибудь, найдет”. “Если шею раньше времени не сломает”, – сокрушалась Зинаида Алексеевна.

С легкой руки небесного куратора Дмитрия, бога солнечного света Аполлона, в нашем герое лихо уживались два мужских архетипа из египетской мифологии: Сет, которому всегда чего-то не хватает, который всегда чего-то боится, кого-то ненавидит, кому-то завидует, на кого-то обижается, стремится к обильному и разнообразному сексу; и Гор – самый гармоничный из всех мужских архетипов – настойчивый, упорный в достижении цели и даже готовый прислушиваться к мудрым советам... Так Дмитрий и жил в вечной борьбе с самим собой: побеждал Сет – и он погружался в гребущую пучину доступных развлечений, побеждал Гор – он выбирался на солнечный берег и начинал заниматься духовным самосовершенствованием.

В обычной жизни Димка был циником. Циник – это такой промежуточный тип, который, обладая ранимой душой, уже научился огрызаться и обороняться, но еще не научился принимать этот мир таким, каков он есть.

Всю первую половину 1999 года Дима разводился со своей второй женой...

...

Он матерился в кабинете отца, как пьяный сапожник на вокзальной площади, когда узнал, на каких условиях Анька-стерва, наконец-то, согласилась на развод.

Родив ребенка от своего любовника, пока он путешествовал по Америке, бывшая супруга потребовала двухкомнатную квартиру, машину, и “денег на жизнь”. (Причем квартира, о которой шла речь, была куплена задолго до их знакомства!)

– Нет, все, мое терпение кончилось! Б... какая! Убить ее дешевле! (Дима.)

– Ты не горячись, – успокаивал отец. – По закону, ей ничего “не светит”, кроме половины совместно нажитого вами автомобиля. Ну, и комнату в коммуналке тебе придется купить: не можешь же ты ее с ребенком выписать в “никуда”? Я бы с ней до победы судился. У тебя целых три года впереди на раздел имущества. И она получила бы то, что положено по закону. Ну, конечно, если ты уверен, что ребенок – не твой... (Владимир Николаевич.)

– Я абсолютно в этом уверен! Сколько раз я должен это повторять?! Я познакомился с ней в сентябре! (Дима.)

– Ну и что? Может быть, он родился недоношенным... (Влад. Ник.)

– У меня есть документы из роддома: он нормально доношен! Это – не мой ребенок! У меня, слава богу, вообще нет детей! (Дима.)

Владимир Николаевич многозначительно посмотрел на сына. – Тогда зачем ты торопишься?

– А я тороплюсь?! Я ушел из своей квартиры в марте. На улице, – Дмитрий посмотрел в окно, – лето! Эти хитроумные ребята припеваючи живут в моей квартире, которую я заработал собственными руками, ну, то есть головой; а у меня даже документы на развод не принимают. Потому что у меня, видите ли, грудной ребенок! У меня!? Нет, я не хочу судиться с ней в течение последующих трех лет. Отец, твои адвокатские «заморочки» не приемлемы для нормального человека. Я согласен: я куплю ей комнату и денег дам. Пусть подавится! Но при условии, что она исчезнет с моего горизонта вместе со своим сопливым ребенком! А то не ровен час, я ее убью, тогда ей и комната не нужна будет... Тысяч двадцать пять – хватит ей? (Дима.)

– Если ты согласен купить ей комнату – я решу вопрос и без денег. (Влад. Ник.)

– Ну, тогда, договаривайся, отец, не тяни; а то она еще кого-нибудь родит... (Дима.)

– Ох, Дима, Дима. Правильно говорят люди: если человек не хочет растить своих детей, значит, будет растить чужих! (Влад. Ник.)

– Пап, что ты имеешь в виду?! Я не хочу сейчас разговаривать о детях. Я не в том состоянии нахожусь! (Дима.)

– А ты всегда находишься не в том состоянии. (Влад. Ник.)

...

История Димкиного развода со второй женой была гораздо интереснее развода с первой. Аня предупредила Дмитрия, что из “своей, честно заработанной телом и умом”, квартиры, она уйдет только в одном случае – ногами вперед. Никто за язык ее не тянул.

Пока Дима не соглашался предоставить жилье – развод не получался. Сначала Аня была беременная, на что у нее имелась соответствующая справка из медицинского учреждения. Дмитрий проконсультировался со специалистом по семейному праву и выяснил, что выписать беременную женщину “в никуда”, практически не возможно. Пришлось герою разбудить в себе Сета, перестать быть приличным человеком и устроить супруге “сладкую” жизнь. Каждый нормальный человек его поймет.

Он жил в квартире, принадлежащей ему на праве собственности, и не пускал туда Игоря, генетического отца ребенка. А когда тот все-таки рискнул проникнуть в квартиру Дима вызвал милицию. Аня попыталась было заступиться за Игоря как за своего родственника... Но документов, подтверждающих родство, у нее не оказалось, а назвать Игоря отцом своего ребенка она не могла по “идеологическим соображениям”.

Через какое-то время Игоря из милиции выпустили, и он стал навещать беременную Аню тайком, пока Дмитрий был на работе. Тогда Дима установил металлическую дверь с дву-

мя сейфовыми замками на большую комнату и перенес туда холодильник. Аня терпела. Еще он обратился в частную охранную фирму, и теперь во время его отсутствия в квартире “дежурил” охранник.

Когда Дима возвращался с работы, он отпускал охранника и включал телевизор и магнитофон на полную громкость. Аня закрывалась в своей комнате, плакала, но терпела. На ужин бывший муж жарил мясо, изводя голодную женщину “вкусными запахами”. (Аня не работала, а у Игоря была “напряженка” с деньгами.)

По вечерам к Димке приходили “подружки” – знакомые проститутки. Он даже не всегда пользовался их профессиональными услугами, просто предлагал “помыться в ванне, побегать по квартире, пошалить и покурить”. И платил за это по установленному тарифу. Вопрос же не в деньгах, а в принципе. Аня терпела.

Димка “сдался” первым. Он понял, что она, действительно, умрет, в прямом смысле этого слова, погубит своего недоношенного ребенка, сделает все, что угодно – но ни за что не уйдет из его квартиры. И тогда в марте Дима сдал комнату одной бойкой бабенке, торгующей на рынке свежей рыбой. Мария Ильинична предупредила Диму, что у нее есть сожитель, который, в общем-то, “мужик хороший, но по выходным выпивает”.

– Буянит? – обрадовался Дима.

– Нет...Выпивает и засыпает прямо на кухне... (Мария

Ильинична.)

– А... Это ничего. (Дима.)

Дима вывез на дачу бытовую технику, забрал личные вещи, и к Аниному ужасу отдал два комплекта ключей от квартиры Марии Ильиничне. Холодильник оказался тяжелым, вывозить его из квартиры было лень, поэтому Димка подарил его арендаторам, и разрешил им пользоваться стиральной машинкой. Виктора Петровича он попросил следить за тем, чтобы в квартиру не проникали “разные чужие люди”, имея в виду Игоря, фотографию которого он ему и показал. Так как оплата за охранные услуги совпала с оплатой за комнату, радостная Мария Ильинична сообщила, что “туточки никакого другого хахала, кроме ее Витички, не будет, и в том не может быть никакого сомнения”.

Создав Ане “нечеловеческие условия существования”, Дима переселился в однокомнатную квартиру<sup>29</sup>. В мае он уехал в Америку, а Аня родила девочку. После родов у нее случилось “просветление в мозгах”, которому немало поспособствовал Владимир Николаевич, и она согласилась на развод. А Дима согласился “подарить” ей комнату, но в другой квартире. Вот так, прежде чем стать буддистом, герой освоил азы благотворительности.

Так как комнату он пока еще не купил, Аня, Игорь и их маленькая дочка, которая “почему-то” все-время плакала и болела, а так же Мария Ильинична и Виктор Петрович про-

---

<sup>29</sup> Эту квартиру подарил Димке на восемнадцатилетие отец.

должали “дружно” жить в Димкиной частной собственности.

## **Два дня из жизни героини**

*(Москва – Ближайшее Подмосковье)*

Ольга Владимировна работала финансовым директором в фирме, торгующей горюче-смазочными материалами.

...Как-то в октябре, сидя в своем кабинете, из окон которого был виден Кремль, она решила, что как только досчитает эффективность нового проекта, порученного ей Валерием Вениаминовичем (Председателем совета директоров), так сразу же устроит себе заслуженный отдых. “Поеду к Митьке<sup>30</sup>, буду смотреть американские фильмы и заниматься с ним сексом... Ну и что, что мне тридцать лет, а ему всего двадцать четыре? Я же замуж за него не собираюсь...”

Ольга Владимировна была очаровательной женщиной. Она была невысокого роста, всего сто шестьдесят четыре сантиметра; между прочим, как сама богиня любви Афродита! У нее была потрясающая фигура: стройные ноги, крутые бедра, тонкая талия и грудь размера D. И весила она не больше пятидесяти килограмм. Свои выющиеся, русые от природы волосы, Оля постоянно перекрашивала во все цвета радуги. В настоящий момент волосы были ярко каштановыми с золотыми прядями. А еще у нее были удивительные сине-зеленые глаза, цвет которых менялся в зависимости то ли от настроения, то ли от освещения.

---

<sup>30</sup> Митька – романтик-киноман, последнее увлечение героини.

У героини было двое детей: сын Алексей, десяти с половиной лет, от первого брака, и дочка Аленка, трех с половиной лет отроду.

Ольга была замужем за генеральным директором фирмы, в которой работала. Имея высшее экономическое образование, она закончила еще МВА-финансы, так что если бы ей, вдруг, пришлось развестись с мужем (в жизни, знаете ли, всякое бывает) – она смогла бы дать своим детям достойное образование.

Детей своих Ольга любила, но вот заниматься ими ей было некогда. Во-первых, она “с утра до ночи” работала; во-вторых, всегда была в кого-нибудь влюблена; в-третьих, была вынуждена сопровождать мужа на разные “важные мероприятия”, а значит, должна была сногшибательно выглядеть, а это, знаете ли, отнимает массу времени и сил!

Ольге нравилась ее работа, она любила общаться с людьми и обожала деньги, которые расширяли его горизонты. Еще она любила путешествовать и делать подарки друзьям. Приезжая домой, она с интересом узнавала, какие приключения случились с ее детьми, пока ее не было рядом. Олины родители жили вместе с молодыми в большом загородном доме, помогали вести хозяйство. Можно даже сказать, что вели хозяйство и растили детей.

Больше всего на свете Оле нравились ее “секретные” романы, особенно в начале, когда “что-то такое непостижимое происходит внутри тебя, и непонятно, что из всего этого по-

лучится”. Но в последнее время с нашей героиней стали происходить странные вещи: ей определенно чего-то не хватало... Но вот чего? Пока у нее не было времени с этим разобраться.

– Оля, а куда это ты собралась? – спросила Лена Васильевна. Главбух внимательно смотрела на подругу, которая, закончив финансовые расчеты, стояла перед зеркалом и расчесывала свои кудрявые волосы, длиной до середины спины.

– Ленусь, ну, понимаешь, – как-то неопределенно махнула рукой Оля.

– У нас, между прочим, баланс, – сообщила Лена. – И Вениаминович тебя спрашивал, и Вася в офисе...

– Ну и что? Если я кому-то понадоблюсь, скажи, что я в налоговой инспекции. (Оля.)

– Ты и Сашку забереешь?! И как я отчеты сдавать буду? Блин, а до конца месяца нельзя потерпеть со свиданиями?! (Лена.)

– Как это потерпеть?! Ты что говоришь такое? Да это самое важное в жизни! – Оля перестала причесываться и с удивлением посмотрела на подругу. – У Митьки мама сегодня в гости уехала, он из-за этого врача на дом вызвал, на работу не пошел... (Оля.)

– Детский сад какой-то... (Лена.)

– Так и быть, я тебе Сашку оставлю; сама такси возьму. Пусть он только вечером меня заберет, а то в Митькиной Тмутаракани такси поймать практически невозможно! Да,

проект Вениаминовичу я посчитала. Вот здесь, в папке лежит, если он вдруг вспомнит. Не вспомнит – не отдавай, привяжется потом, как банный лист. Лен, если что срочно, пошли мне смс-ку. (Оля.)

– Нет, все, моему терпению пришел конец! Вот сдам баланс и уеду на целый месяц в отпуск! И отчет Совету директоров ты будешь делать одна! И не смотри на меня так. (Лена.)

– На месяц?! Ты что же, хочешь моей гибели? На две недели, ладно? Месяц я без тебя не продержусь. И потом, мы же договаривались на январь? (Оля.)

Лена молчала.

– Лен, вот когда ты влюбишься, я тоже буду отпускать тебя на свидания... (Оля.)

– Не дай бог, чтобы со мной когда-нибудь случилась такая оказия, потому что у меня муж “отмороженный” и двое сумасшедших детей. И на работе я торчу с девяти утра и до семи часов вечера! И начальник у меня – Лена вполне определенно покрутила пальцем у виска – вечно влюбленный... Ты еще и во Вьетнам, по моим сведениям, собираешься в ближайшее время?

Ольга параллельно была влюблена во вьетнамского учебного-космолога, с которым познакомилась по Интернету.

– Лен, но у меня тоже есть муж и дети, – попыталась “оправдаться” героиня.

– Да что ты говоришь?! Только у тебя еще есть я! (Лена.)

– А я никогда не умаляла твоего значения... (Оля.)

– Еще бы! Я покупаю твоим детям учебники и игрушки, одежду и обувь; родителям – продукты; многочисленным родственникам – лекарства и билеты в театр; твоим мужикам – подарки к праздникам! Оля, мне не тяжело – я “электроника”<sup>31</sup> загружу, он все, что хочешь, в интернете найдет; но я устала объяснять твоему мужу, почему ты постоянно отсутствуешь в офисе. (Лена.)

– Ленусь, ну чуть-чуть еще потерпи, роман мой скоро закончится. Романы, они всегда заканчиваются... (Оля.)

– Свежо предание, да верится с трудом. Один закончится, другой – начнется. У тебя же это хобби... (Лена.)

– Скоро вообще все романы закончатся! Мы состаримся, будем сидеть за бухгалтерскими отчетами, и ничто нас не будет отвлекать от них. Но если сейчас у меня не будет романов, о чем же я буду рассказывать тебе в старости?! – Оля посмотрела на Лену широко открытыми сине-зелеными глазами. – Ну, ты меня отпускаешь?

– Нет, я тебя не отпускаю... Но ты же все равно уедешь? – вздохнула, улыбаясь, Лена.

– Спасибо, Лен. Ты – настоящий друг. (Оля.)

– Ты только не забудь, как в прошлый раз, что налоговая инспекция работает до 17.45. (Лена.)

---

<sup>31</sup> Электроник – системный администратор фирмы. Лена все покупала через интернет, или отправляла за покупками Сашку, как курьера, используя свое служебное положение, с разрешения Ольги и молчаливого согласия Василия Андреевича.

– А где же я потом? – задумалась Оля.

– Потом ты в магазине... шубу ищешь. (Лена.)

– Почему шубу? Ты же знаешь, я не ношу шубы: в шубе – во-первых, жарко, во-вторых... Я здесь прочла надпись в маршрутке: “носишь мех – носишь грех”. Я даже записала, для детей, вот послушай: “Одна шуба – это ВОСЕМНАДЦАТЬ убитых лисиц! Или ДВАДЦАТЬ СЕМЬ убитых енотов! Или ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ убитых норок! Или ШЕСТЬДЕСЯТ куниц! Или СТО СЕМЬДЕСЯТ шиншилл! Или ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ белок”! Представляешь?! Не хочу быть увешанной таким количеством трупов! На стекле еще была библейская заповедь №6: “Не убий” и слова Льва Николаевича Толстого: “От убийства животных до убийства человека – всего один шаг”. Что за замечательные люди есть на свете, которые оставляют такие надписи в маршрутках! (Оля.)

– Для Васи – ты ищешь шубу. И не перепутай, философ. (Лена.)

– Почему шубу? (Оля.)

– Потому что мне нужна шуба, а у меня из-за твоих свиданий совсем нет времени ее искать! (Лена.)

– Поехали в выходные по магазинам? Возьмем детей, Сашка будет с ними возиться, потому что он сам как ребенок... (Оля.)

– Оля, а сколько стоит норковая шуба, ты в курсе? (Лена.)

– Да не нужна тебе шуба! Сейчас такие куртки классные

продаются с искусственным мехом... (Оля.)

– Давай съездим, только в куртке, без машины, холодно... (Лена.)

– Так и купи себе машину, зачем же животных истреблять? Вася мне по секрету сказал о хорошей премии к Новому году, – Оля “вильнула хвостом” и умчалась на свидание.

На следующее утро Ольга проснулась от Алькиного “визга”...

Алька была очень активным ребенком, ей было три года восемь месяцев, и по любому поводу она устраивала громкий визг, который разносился по огромному дому. Все домашние сбегались посмотреть, что с ней опять приключилось. А ничего особенного и не произошло: просто ей захотелось чего-нибудь, что бабушка давая ей отказывалась, из-за соображений безопасности.

– Мам, доброе утро! Аля, что у тебя опять стряслось? – спустилась Оля на первый этаж в гостиную. – Мам, дай ты ей, бога ради, что она просит! Голова уже болит от ее визга. Ты же знаешь, если ей что-то нужно, она не успокоится, пока не получит.

– Она не плачет, заметь, – спокойно ответила Татьяна Алексеевна, – она визжит. Она такая же, как ты была в детстве: любой ценой хочет получить то, что ей понравилось.

– А разве это плохо? (Оля.)

– Это опасно, потому что в данный момент она требует

набор ножей. (Тат. Алекс.)

– Аль, а зачем тебе ножи? – поинтересовалась мама Оля.

– Надо, – тут же успокоившись, сказала Аля. – Буду делать салат.

– Бабушка все равно не даст тебе настоящие ножи, потому что они очень острые. Помнишь, сколько было крови, когда Алешка порезался? Когда я была маленькой, бабушка и мне ножи не давала. Но салат можно делать... волшебными ножами, тогда он, кстати, получится еще вкуснее. Давай, поедem в магазин игрушек и купим тебе набор волшебных ножей? – предложила Ольга.

– Давай, – прошептала восхищенная такой перспективой Алька.

– Дед, а ты с нами поедешь? (Оля.)

– Куда это вы собрались? – поинтересовался Василий, тоже проснувшийся от Алькиного визга.

– Будем покупать волшебные ножи! – гордо сообщила Алька.

– И кого ты хочешь зарезать этими ножами? Своего брата? Это правильно, давно пора... Татьяна Алексеевна, а можно я курицу съем? (Василий.)

– Вообще-то, курица предназначалась на обед, а на завтрак – яичница с ветчиной. Есть еще овсяная каша, – ответила теща.

– И пить я хочу. О, лимонник – это как раз, то что надо... Татьяна Алексеевна, вы не переживайте: я сначала съем ку-

рицу, на закуску; потом – завтрак; а когда вы приготовите обед, съем и обед. Обещаю. Слово даю. – Василий выпил два стакана лимонника и смотрел на тещу такими голодными глазами, что та не выдержала: – Ешь, что с тобой сделаешь! Давай разогрею.

– Нет, только зря время терять; я и так съем, холодную... Дамочки, а хотите, я с вами в магазин поеду? – поинтересовался Василий.

– Ула! Папа едет с нами! (Аля.)

– Ну, тогда я не поеду, – облегченно вздохнул Владимир Иванович, – а то мне надо вино разлить, и с Алешкой позаниматься...

– Так Алешка, наверное, с нами поедет? – предположила Оля.

– Ну, тогда я не поеду! – сказал Вася. – У меня всего полтора выходных осталось, – он посмотрел на часы. – Не так много, чтобы это рыжее “исчадие ада” мне их портило!

– Оля, езжайте без Алешки. Мы с ним физикой должны позаниматься... (Влад. Ив.)

– Владимир Иванович, я вот никак не пойму: зачем вы ему загромождаете мозги, если он итак у нас слишком умный; не понятно только в кого... (Василий.)

– Понимаешь, Василий, детство – это такая золотая пора, когда все получается, все успеваешь и очень многое можно узнать. (Влад. Ив.)

– Я, когда вспоминаю свое “золотое” детство – мама моя

тоже почему-то считала, что оно было золотым – то сразу начинаю благодарить бога, что оно уже закончилось. И очень радуюсь, что я вырос, а значит, могу одно дело делать хорошо, другое – плохо, а на третье вообще могу плюнуть и не делать, если я устал, или мне не хочется... (Василий.)

Вскоре Василий, Ольга и Алька уехали в магазин игрушек...

...

Вечером, после того, как Алька изрезала своими “волшебными” ножами все, что только смогла изрезать, она утащила у Алешки фломастеры, чтобы нарисовать бабушке красивую картину на кухню.

Ольга с Василием сидели в гостиной, смотрели кино, а Алька, высунув язык от удовольствия, рисовала картину.

– Так, ты зачем украла мои фломастеры?! – Алешка подошел к сестре и забрал принадлежавшую ему вещь.

Алька завизжала как сирена на милицейской машине. Василий сделал звук телевизора громче; но громче Альки у телевизора кричать не получилось. Ольга нажала на клавишу “стоп” на пульте видеоманитфона.

– Алеш, отдай ей фломастеры, – приказал пасынку Василий.

– С какой стати? Это мои фломастеры. Она их стащила с моего письменного стола. (Алеша.)

Алька перестала кричать, внимательно прислушиваясь к диалогу.

– Тебе что, жалко? – спросил Василий.

– Аль, чьи это фломастеры? (мама Оля.)

Аля показала пальцем на брата.

– Если эта вещь принадлежит Алексею, почему ты взяла ее без спроса? Разве можно так поступать?! – удивилась мама Оля.

Алька покачала головой из стороны в сторону.

– Разве Алеша когда-нибудь берет твои вещи, не спросив разрешения? (мама Оля.)

Алька опять покачала головой.

– Тогда в чем дело? (мама Оля.)

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.